

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЖАЛАЛ -АБАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Курс лекций
по истории лингвистических учений

(Для студентов специальности
«Русская филология»)

Жалал- Абад 2010

УДК: 81

ББК: 81. 2. Р-2

Составитель: преп. каф. «Русская филология»
Сулейманова Т.А.

Рецензенты: к.п.н. доц. Дарбанов Б.Е.
к.ф.н. доц. Исабеков И.Н.

Рассмотрено на заседании кафедры
русской филологии и методического совета
факультета русского языка и литературы ЖАГУ

Курс лекций по истории лингвистических учений
предназначен студентам специальности «Русская
филология»

Введение

Курс лекций по истории лингвистических учений предназначен для студентов филологических факультетов высших учебных заведений.

В курсе лекций дано научно аргументированное, исторически выверенное, четкое и детализированное представление о развитии русских лингвистических учений.

В распоряжении филологов находятся труды русских лингвистов: М.В.Ломоносова, В. В. Виноградова, А.Х.Востокова, Л.В.Щербы, А.А.Потебни, Г.О.Винокура, А.А.Шахматова и других, в которых дан обстоятельный анализ проблематики, идей, исследования фактического языкового материала в контексте исторического развития отечественной науки.

В многочисленных книгах и статьях русских языковедов содержатся ценнейшие наблюдения, разыскания, историографические этюды, имеющие непосредственное отношение к истории русских лингвистических учений.

Изучение истории русской лингвистической мысли никоим образом нельзя ограничивать лишь теми работами, которые непосредственно посвящены истории русистики или научному творчеству кого-либо из русских языковедов. В курсе лекции дан обстоятельный и аргументированный анализ основополагающих трудов классиков и выдающихся деятелей науки о русском языке.

Тематическое распределение курса истории лингвистических учений

№	Темы лекционных занятий	Кол-во часов
1	Работы академика В.В. Виноградова по истории русского языкознания.	2
2	Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М.В Ломоносова по грамматике и риторике.	2
3	Синтаксические воззрения и обобщения А. Х. Востокова, их значение в истории русского языкознания.	2
4	Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы.	2
5	Труды А.А. Потебни и В.И. Чернышева по лексикологии и семасиологии.	2
6	Проблемы русской речевой культуры в освещении Г. О. Винокура.	2
7	История русского литературного языка в изображении А. А. Шахматова.	2
8	Русская наука о русском литературном языке.	2

Итого: 16 часов

Программа курса истории лингвистических учений

Лекция №1. Тема: Работы академика В.В. Виноградова по истории русского языкознания.

Периодизация истории науки и систематизация лингвистических идей и практических достижений русского языкознания. Деление истории языкознания на два периода. Возникновение новых языковедческих дисциплин и изменение проблематики философии языка. Развитие новых видов текстов массовой коммуникации. Работы В.В. Виноградова по основным разделам филологии.

Лекция №2. Тема: Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М.В. Ломоносова по грамматике и риторике.

Пути развития синтаксической науки в трудах М.В. Ломоносова. Материалистические основы ломоносовской теории языка. Значение синтаксиса Ломоносова в истории грамматической мысли. Проблемы синтаксиса, поставленные Ломоносовым перед русским языкознанием в области русской грамматики.

Лекция №3. Тема: Синтаксические воззрения и обобщения А. Х. Востокова, их значение в истории русского языкознания.

Синтаксические учения в 20-30-е гг. XIX в. в России. Необходимость индивидуальной творческой инициативы в создании полноценной русской грамматики. Продолжение и развитие национальной русской грамматической науки в «Русской грамматике» А. Х. Востокова. Основной предмет и задачи синтаксиса словосочетания по Востокову. Значение «Русской грамматики» Востокова для последующей разработки морфологии русского литературного языка.

Лекция №4. Тема: Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы.

Своеобразие научной позиции Щербы. Проблема смешения языковых систем, вопрос об исследовании путей языкового скрещения в трудах Щербы. Проблемы, выдвинутые Щербой в области общего языкознания: лексический и грамматический строй языка, вопрос о соотношении речевой деятельности и языка как системы и другие. Проект грамматического описания языковой системы в докторской диссертации Щербы «Востоchnoлужицкое наречие». Четыре раздела грамматики по Щербе. Значение воззрений Щербы в истории русского языкознания.

Лекция №5. Тема: Труды А.А. Потебни и В.И. Чернышева по лексикологии и семасиологии.

Труды Потебни по лексике и семасиологии. Обоснование принципа закономерности изменения значений слов и выражений в трудах Потебни. Исследования В.И.Чернышева в области русской лексикологии и лексикографии. Труды Чернышева по русской лексикологии.

Лекция №6. Тема: Проблемы русской речевой культуры в освещении Г. О. Винокура.

Рост интереса к проблемам культуры языка в русской лингвистической науке. Связь изучения вопросов культуры языка с задачами прикладного языкознания, с задачами практической стилистики в книге Винокура «Культура языка». Круг проблематики культуры языка.

Лекция №7. Тема: История русского литературного языка в изображении А. А. Шахматова.

Шахматов- ученый энциклопедического типа. Связь и взаимодействие истории русского литературного языка с историей русского народа, с историей русского государства в исследованиях Шахматова. Недостатки Шахматова в трудах по истории русского литературного языка. Роль Шахматова в развитии русской филологии.

Лекция №8. Тема: Русская наука о русском литературном языке.

История русского литературного языка в X-XVII вв. История русского литературного языка как научная дисциплина. Учение о трех стилях литературного языка в XVI- XVII вв. Связь русского литературного языка с южнославянской грамматической традицией. Развитие русского литературного языка в XVIII вв. Развитие орфографических, грамматических, стилистических, лексикологических исследований. Проблемы изучения и построения русского литературного языка в XIX и начале XX вв. Филологические труды Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. А. Потебни, А. И. Соболевского и др.

Лекция №1

Тема: Работы академика В.В.Виноградова по истории русского языкознания

План

1. Периодизация истории русского языкознания.
2. Черты нормативно- описательного языкознания.
3. Особенности филологической системы Ф. де Соссюра и В.В.Виноградова и их сопоставление.
4. Работы В.В.Виноградова по основным разделам филологии.

1. Периодизация истории русского языкознания.

Работы Виктора Владимировича Виноградова (1895-1969) посвящены истории русского языкознания: «Современный русский язык», вып. 1 (1938), «Из истории изучения русского синтаксиса» (1958). В работах, вошедших в сборник, и в монографиях освещаются многие проблемы истории русской лингвистики. «Современный русский язык» (вып. 1) –это как бы история вопроса, обоснование построения всей грамматической системы Виноградова. Монография «Из истории изучения русского синтаксиса» посвящена исследованию истории синтаксических учений от Ломоносова до Потебни. Это описание одного из аспектов русской грамматики- синтаксиса, который Виноградов всегда ставил в связь со стилем.

В статьях Виноградова по истории грамматических учений говорится об истории языкознания как специальном предмете в связи с оценкой роли лингвистики для общественно-языковой практики. Среди этих статей можно выделить общие, такие, как «Русская наука о русском литературном языке», и посвященные творчеству выдающихся русских грамматистов - Ломоносова, Востокова, Потебни, Шахматова и др.

В своей педагогической деятельности Виноградов придавал большое значение истории языкознания, неоднократно читал соответствующие курсы.

Чтобы понять историко-лингвистические труды Виноградова, уяснить основные черты его филологической концепции, полезно соотнести учение Виноградова с современными ему учениями. Виноградов-русист. Материал его исследований- русский язык. Однако в любой работе академика Виноградова отражены, по сути дела, все мировые лингвистические течения. Филологическая концепция Виноградова должна быть соотнесена с современными ему тенденциями развития мирового языкознания.

Главным вопросом истории языкознания, как известно, является периодизация истории науки и систематизация лингвистических идей и практических достижений. Можно сказать, что история языкознания XX в. делится на два периода- от начала века до 30-х годов и от 30-х годов до настоящего времени.

В первой трети XX в. сравнительно- историческое языкознание становится не частным, как в XIX в., а общим языкознанием. Вовлечение в сравнительно- историческое описание языков других семей (неиндоевропейских) поставило целую серию проблем, среди которых важнейшее место заняла проблема типологического уточнения сравнительно- исторического метода применительно к языкам бесписьменным и к языкам, имеющим иные типологические особенности строя, чем индоевропейские языки.

Сравнительное языкознание проделало путь, при котором компаративистика стала не только частной, но и общей наукой о языках, а типология не только общей, но и частной наукой о языках. При этом оба аспекта сравнительного языкознания выделились в самостоятельные дисциплины.

2. Черты нормативно- описательного языкознания.

Нормативно- описательное языкознание приобретает несколько существенно- новых черт:

1. В нормативно- описательном языкознании выделяется особая сфера- конструирование новых языков (эсперанто, интерлингва и т.п.). Ученые стремятся сделать такие языки наиболее удобным средством международного общения.

2. Заметные изменения претерпевает лексикография. Это касается стандартизации словарных жанров и развития системы словарных жанров. Словари начинают делиться по объему на большие и малые, а по сферам содержания- на общие, специально- терминологические и фразеологические. Кроме толковых и двуязычных практических словарей появляются специальные филологические словари различных типов: исторические словари, словари языка писателей, частотные словари текстов (Восполняющие прежние глоссарии), этимологические словари и т. п. Начинают развиваться и очень старые жанры словарей, такие, как тезаурусы, словари рифм и т. п.

3. Начало XX столетия отмечено появлением нормативных грамматик языков, прежде лишенных таких грамматик (это нормативные грамматики китайского языка, языка хинди, индонезийского языка). Национальные нормативные грамматики пишутся на основании греко-латинской традиции и ее производных научных нормативных грамматик. Если данный язык имел собственную грамматическую традицию, восходящую к античности и средневековью, то делаются попытки совмещения обеих традиций, чаще всего механические.

Все это ставит вопросы не только о нормировании родного языка или методов языковых сравнений, но и о нормировании самих описаний, унификации терминологии и приемов лингвистического исследования. Вот почему в начале XX в. появляется особый жанр лингвистической литературы, призванный определить отношение языкознания как целой

области научной мысли к реальному объекту. Этот жанр получает на русской почве название «Введение в языкознание».

По курсу «Введение в языкознание» начинают читать лекции, публиковать специальные исследования. Таковы «Очерки по языковедению и русскому языку» В. А. Богородицкого (1901), «Общее языковедение» А. И. Томсона (1906), «Введение в языковедение» В. К. Поржезинского (1907), «Краткое введение в науку о языке» Д. Н. Ушакова (1903). В это же время в Женеве подобный курс создается Ф. де Соссюром («Курс общей лингвистики» публикуется, однако, только в 1916 г). Аналогичные курсы издаются и в других странах. Основные цели курса - дидактическая, ориентирующая и методическая.

В начале XX в. возникают новые языковедческие дисциплины и изменяется проблематика философии языка, что изменяет структуру науки. Структурные перемены касаются двух сторон содержания научных публикаций. Во-первых, вместе с публикациями на разных языках по классическим предметам языкознания, сравнительному и описательно- нормативному языкознанию и на фоне их происходит становление новых предметов исследования. К ним относятся история языка, история литературного языка, история языка художественной литературы, фонология, сопоставительная грамматика и многие другие.

С начала XIX в. преобладающее значение приобретают художественные сочинения и отчасти публицистика.

Начало XX в. и последующие годы в общественно- языковой практике характеризуются развитием новых видов текстов массовой коммуникации (массовая информация, включающая радио, кино, телевидение и массовую периодическую печать, и информатика) и созданием на основе этих текстов нового культурно- исторического типа языков- межнациональных языков. Благодаря массовой коммуникации национальные языки изменили характер своего общественного бытования.

Виноградов отделяет предмет литературоведения, с одной стороны, от предмета лингвистики, с другой- и от реального объекта «слово» и «язык», который не может быть исчерпан ни литературоведением, ни языкознанием. Он постигается как целое только особым философским знанием.

3. Особенности филологической системы Ф. де Соссюра и В.В.Виноградова и их сопоставление.

Сопоставление концепций де Соссюра и Виноградова ярко обнаруживает особенности филологической системы Виноградова:

1.Виноградов в лингвистике, несомненно, сторонник системного изучения языка. В языке он видит исторически развивающуюся, сложную структуру, которая состоит из ряда систем. Эти системы не лежат в плоскости поуровневого анализа, так как развитие языка есть развитие областей его применения и субъективного осознания. Рассматривать количественный рост и прогресс языка по его отдельным уровням (фонология, морфология и т. п.) нельзя, так как именно там этого не обнаружить (можно заметить лишь ту или иную перегруппировку качеств языковых знаков). Язык, рассмотренный по уровням, не дает представления о социальной системе языка.

2.Социальная систематизация языка структурно двухчастна, так как язык существует в человеке и обществе.

3.Общественное функционирование языка отличается от субъективного представления о языке, свойственного человеку. Общественное функционирование языка объективно определяется сферами его применения и их историческим развитием. В разных исторически сложившихся сферах применения языка складывается своя подсистема функционирования языка со своим смыслом, назначением, следовательно, со своей лексикой, фразеологией, синтаксисом и нормой, составляющими подсистемы общего языка в лингвистическом смысле

слова. Сферы функционирования языка, определяемые общественными потребностями, дают социальную проекцию языка; изучение этих сфер есть изучение социологии языка. (Система де Соссюра, нивелируя эти сферы, фактически уходит от проблем социологии языка.)

4. Субъективное понимание языка в целом предопределено существованием социальных сфер его применения. В каждой сфере отрабатывается свой коммуникативный стандарт, который по-разному, в силу характера личности, отображен в личностном осознании языка. В связи со стоящими перед личностью задачами осознания языка, а эти задачи общественно определены, существует три главных типа осознания языка: пользователя языка- «коллективный субъект», творца языка- писатель, «индивидуальный субъект» и филологического понимания языка.

5. Осознание языка пользователем («коллективным субъектом») коммуникативно. В задачу субъекта входит понимание языка таким, как он функционирует в сферах общения, доступных наблюдению пользователя. При создании сообщений пользователь стремится как можно более точно воспроизвести результат своих наблюдений. Его задача репродуктивна. Творчество пользователя состоит в создании оценок элементов языка и отдавании предпочтения в использовании элементов языка. Эти предпочтения направляются обществом в сторону той сферы общения, которая имеет наибольший объем культурных задач. Такой сферой общения является литература.

Пользователь языка всегда предпочитает литературную норму, независимо от того, к какой норме он сам принадлежит (соссюровское понимание языка как механической системы ассоциаций, однотипных для всех членов общества, лишает язык движения, устраняет языкотворческие функции человека, лишает язык источника самодвижения, который находится в энергии человека, с одной и в различии людей- с другой).

6. Осознание языка творцом- писателем в одной своей грани не отличается от осознания пользователем, ему также свойственна репродукция элементов языка, выработка системы оценок и предпочтений; но у писателя есть особая задача- создание языка.

7. Виноградов намечает, таким образом, контуры науки о речи. Если суммировать сказанное, то эта наука, по Виноградову, состоит из нескольких качественно различных частей.

Во-первых, это синтаксис и этимология речи.

Во-вторых, текстология речевых произведений, т.е. изучение изменений текста написанного или изданного произведения, история понимания произведения и разных его частей, история критических, лингвистических, поэтологических, риторических и читательских интерпретаций.

В-третьих, теоретико – словесное исследование текста, т. е. изучение места речевого произведения в разных сферах общения, а также изучение правил создания речевого произведения, общественно принятых в данную эпоху.

8. Наука о речи (или лингвистика речи) открывает возможность конструктивно приблизиться к психическим действиям личности, занятой воплощением своей мысли в слове. По Виноградову (который в этом отношении солидарен с Томашевским), личность воплощает свою мысль в слове по-разному, смотря по той задаче, которая стоит перед личностью в отношении действия с языком Виноградов особое внимание обращает на работу автора литературного произведения, так как в ней с наибольшей полнотой представлено разнообразие словесно-мыслительных операций.

9. Третий тип осознания языка- филологом рассматривается Виноградовым в его работах по истории русского языкознания. Виноградов рассмотрел все основные концепции русской грамматики. Его анализ построен как описание текста (за которым стоит личность),

но не самой языковой личности. Как видно из сказанного выше, задача филолога состоит в объективном обозрении фактов языка. Разбор филологических концепций прошлого Виноградов строит на известных ему языковых фактах. Поэтому труды филологов оцениваются в основном с точки зрения их соответствия языковым фактам своего времени. Не существует ни одного серьезного грамматиста, который не опирался бы на традицию систематизации грамматических категорий. Ведь без следования традиции описания грамматических категорий грамматика порывает с языковой традицией. Поэтому оценки Виноградова относятся не только к фактическому материалу, но и к развитию грамматической традиции.

4. Работы В. В. Виноградова по основным разделам филологии.

Работы Виноградова могут быть распределены по нескольким основным разделам филологии:

1. Язык писателей, теория и история русской художественной литературы: «О задачах стилистики. Наблюдение над стилем Жития протопопа Аввакума», «Заметки о лексике Жития Саввы Освященного», «О стиле Карамзина в его развитии», «Из наблюдений над языком и стилем Дмитриева», «Язык и стиль басен Крылова», «Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка», «Стиль Пушкина», «Стиль прозы Лермонтова», «Гоголь и натуральная школа», «Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский», «Тургенев и школа молодого Достоевского», «Достоевский и Лесков» и др.; аналитические оценки языка и стиля современных поэтов содержатся в его последней книге «О теории художественной речи». История русской литературы в изображении Виноградова в целом еще не оценена.

2. Язык художественной литературы и стилистика: «О художественной прозе», «О языке художественной литературы»,

«Проблема авторства и теория стилей», «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика», «Сюжет и стиль» и др.

3. История русского языка, русского литературного языка и языка русской художественной литературы: «Основные этапы истории русского языка», «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка», «Проблемы исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы», «Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.» и др. В работах этого цикла произведено разделение предмета истории языка на структурные части, которые выделены по отношению к теории стиля, поэтике, риторике и истории художественной литературы.

4. По Виноградову, история языка есть прежде всего история становления имен. К истории языка примыкают этимологии разных слов. Виноградов, по сути дела, создал этот особый жанр описания текстовой истории слов. Сюда относятся теоретические работы по русской лексикографии и лексикологии, в которых особое место занимает учение о слове как о лексеме (термин введен Виноградовым).

5. Центром лингвистической работы Виноградова является грамматика. Основные работы - «Русский язык. Грамматическое учение о слове» и вышедшая под редакцией Виноградова академическая «Грамматика русского языка» (1952).

6. Многочисленные исследования по культуре русской речи, славистике, истории нормализации языка, среди которых выделяется книга «Великий русский язык».

7. Работы по истории языкознания, критике грамматических и лексикографических работ занимают особое место. Это место, с одной стороны, весьма традиционно: ведь все составители языковых нормативов соотносят свой принцип нормирования языка с существовавшими в истории этого языка принципами; с другой стороны, обилие работ по истории русского языкознания выделяет Виноградова среди других

мировых авторитетов, решавших задачу создания принципов нормирования межнациональных языков (например, де Соссюр и Блумфильд, напротив, писали о своих системах как создаваемых как бы на новом месте).

Основная литература:

1. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004.
2. Богомазов Г.М. Современный русский язык. М.: Владос, 2001.
3. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
5. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка. М., 1938.
6. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М.: Логос, 2003.
7. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2000.
8. Валгина Н.С. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 2003
9. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Айрис Пресс, 2006.
10. Современный русский язык под. ред. Леканта П.А. М.: Дрофа, 2002.

Дополнительная литература:

1. Виноградов В. В. Русский язык. Изд. 2-е, М., 1972.
2. Виноградов В. В. О художественной прозе. М.-Л., 1930.
3. Виноградов В. В. Современный русский язык. М., 1938.

Лекция №2

Тема: Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М.В.Ломоносова по грамматике и риторике

План

1. Пути развития русской синтаксической науки в трудах М. В. Ломоносова.
2. Учение о предложении в Риторике Ломоносова.
3. Проблемы синтаксиса, поставленные М.В.Ломоносовым перед русским языковедением в области русской грамматики.

1. Пути развития русской синтаксической науки в трудах М. В. Ломоносова.

Самостоятельная русская грамматическая наука начинается с разработки учения о слове, о частях речи («О восьми частях слова»), о «сочинении» частей речи, т. е. о способах образования словосочетаний.

Уже в самых ранних грамматиках русских, исследующих и описывающих синтаксис книжной, письменной речи, есть указания и на «речь», «слово», т.е. на предложение как на основную единицу связной цельной речи.

Синтаксис русского языка уже на начальных стадиях его научной разработки опирается на признание необходимости исследования «речи», предложения и одновременно на теорию и практику словосочинения, т.е. на описание грамматических способов сочетания слов, относящихся к разным частям речи, в сложные смысловые единства. Так определился самостоятельный путь развития русской синтаксической науки.

Материалистическая направленность научного метода и научного мировоззрения М.В.Ломоносова ярко сказалась и в области языкознания. Ломоносов понимает язык как средство общения людей между собой. Он подчеркивает связь и взаимодействие языка и мышления.

Ломоносов, таким образом, учит, что язык существует в обществе, что он является средством общения людей, средством сообщения мыслей, что он - необходимое условие общественного прогресса. В понимании мышления Ломоносов стоит на материалистической точке зрения.

Материалистические основы ломоносовской теории языка обнаруживаются и в учении «о знаменательных частях человеческого слова». В различении частей речи в русском языке, по учению Ломоносова, находит отражение различие вещей и явлений, «деяний» действительности. Имена - это «изображения словесные вещей», глаголы - «изображения деяний». С точки зрения той же теории отражения действительности в слове Ломоносов определяет значения предлогов и союзов: «Предлоги для знаменования обстоятельств, к вещам или к переменам принадлежащих, предлагаются именам и глаголам отдельно... Союзы самых понятий соответствие между собою показывают».

Любопытна семантико - синтаксическая трактовка сущности других «частей речи», опирающаяся на своеобразное понимание роли их в контексте. Лаконическое сжатие речи, по мнению Ломоносова, достигается посредством употребления местоимений, наречий и «междуметий».

Признаки материалистического мировоззрения обнаруживаются и в ломоносовском истолковании «предложения» («речи», по терминологии Ломоносова): «вещь иметь должна прежде свое бытие, потом деяния». Отсюда выводится наиболее распространенный в русском языке тип простого глагольного предложения: *Земля тучнеет*. Ломоносов подчеркивает, что при переходном глаголе прямой объект («прямое дополнение») также принадлежит к главным частям (членам) предложения; например: *Облака покрыли небо*.

Все остальные члены предложения служат для распространения состава предложения: «Вещей и деяний свойства и обстоятельства

умножают наши понятия и названиями их речь распространяют». Например: Облака, сгущенные влажностью, покрыли освещенное солнцем небо; Темнота облаков покрывает ясность; Облака покрывают небо на востоке; Земля тучнеет от росы.

Настойчиво выдвигая мысль о соотносительности речи с действительностью, или об отражении действительности в речи, Ломоносов рассматривает предложение как выражение суждения.

Кроме простого «сочинения речений», т.е. простого предложения, Ломоносов различает еще две синтаксические категории: «сочинение сложное», т.е. сложное предложение, и - в сфере стилистики - период. «Сложное сочинение» - это «соединение нескольких речей, полный разум в себе содержащих». Образование сложного предложения, по Ломоносову, осуществляется с помощью относительных (или «возносительных») местоимений, деепричастных оборотов и союзов. «Отсюда рождаются разные периоды: одночленные, двучленные, тричленные, четырехчленные».

В русском дореволюционном языковедении вопросы синтаксиса в трудах Ломоносова по грамматике и риторике почти не были предметом внимательного изучения. Синтаксическая теория Ломоносова явно недооценивалась.

Синтаксис Ломоносова не только составил целую эпоху в истории русской грамматической мысли, но не потерял своего значения и для нас. Правда, у Ломоносова учение о предложении и его членах было оторвано от учения о «сочинении частей слова» (т.е. от учения о формах и типах словосочетаний).

«Сочинение частей слова» у Ломоносова сводится к правилам сочетания слов в предложении по принципу согласования и управления.

Ломоносов различает «сочинение имен», «сочинение глаголов», «сочинение вспомогательных частей слова» и «сочинение частей слова по разным обстоятельствам».

Ломоносов выделяет несколько типов именных словосочетаний, типичных для русского языка (например, словосочетания с именами числительными, словосочетания при сравнительной степени, именные словосочетания для обозначения превосходства - Волга из рек российских превеликая; красноречивый Цицерон из всех ораторов и т. п.). При описании словосочетания определяется его смысловое содержание, а также лексическое значение составных частей.

Среди разных типов глагольных словосочетаний Ломоносовым описаны действительные и страдательные обороты, наиболее употребительные формы предложно-глагольных конструкций, сочетания безличных глаголов с инфинитивом (случается найти петуху жемчужину), другие виды конструкций с инфинитивом или инфинитивных конструкций, деепричастные обороты и др.

В следующей (четвертой) главе Ломоносов, еще не выделяя из круга словосочетаний вопроса о значениях предлогов и о функциях союзов, рассматривает «сочинение вспомогательных частей слова». Здесь речь идет о роли местоимений, наречий, междометий, предлогов и союзов в образовании словосочетаний и об употреблении их в составе словосочетаний.

Любопытно, что Ломоносов и предлоги рассматривает как отправной пункт образования словосочетаний (например, ради бедности и бедности ради помилован).

Точно и глубоко описаны функции союзов. Ломоносов - при характеристике функций союзов - учитывает и грамматическое построение сцепляемых союзами звеньев речи, и их структурный состав.

В последней (пятой) главе ломоносовского учения о «сочинении частей слова» излагаются способы выражения «разных обстоятельств».

2. Учение о предложении в Риторике Ломоносова.

В Риторике («Краткое руководство к красноречию», 1748) Ломоносов излагает развернутую теорию предложения. «Предложением» здесь называется то, что в «Российской грамматике» именуется «речью». В предложениях выделяются две основные части: подлежащие и сказуемые. Предложения разделяются на утвердительные и отрицательные.

Учение о предложении в Риторике Ломоносова сливается с учением о периоде - категории стилистической. В зависимости от количества «логических предложений», объединяемых в периоде, периоды бывают одночленные, двучленные, трехчленные, четырехчленные и т. д.

Одночленные периоды, состоя из одного «логического предложения» могут иметь: 1) одно подлежащее и одно сказуемое, 2) много подлежащих и одно сказуемое, 3) одно подлежащее и много сказуемых, 4) много подлежащих и сказуемых. Вот пример одночленного периода с несколькими сказуемыми при одном подлежащем: Мы учились в одном доме, в поле были товарищи, потом свойством соединились и всегда верную дружбу между собой имели. А вот одночленный период с несколькими подлежащими и сказуемыми: Роскошь и праздность, как два сосца всех пороков, вливают под видом сладости бедственную язву в душу и тело, наносят несносные оскорбления, бедность и смертоносные болезни.

Любопытно, что Ломоносов включает в состав подлежащих и те «придаточные предложения», которые при помощи относительных местоимений и наречий определяют и распространяют эти подлежащие.

Весь последующий период в истории разработки русского синтаксиса вплоть до 20-30-х годов XIX в., до появления «русской грамматики» А. Х. Востокова и грамматических руководств Н. И. Греча должен быть назван ломоносовским. Печать влияния ломоносовской Грамматики, а также Риторики лежит на всех синтаксических трудах, относящихся к этому периоду.

3. Проблемы синтаксиса, поставленные М.В.Ломоносовым перед русским языковедением в области русской грамматики.

Вникая в суть ломоносовского учения о сочинении частей слова (т. е. частей речи), об образовании предложений и периодов, можно наметить те проблемы синтаксиса, которые были поставлены ученым-энциклопедистом перед русским языковедением и решение которых завещано им своим ближайшим ученикам и последователям в области русской грамматики:

1. Необходимо было точнее определить границы и объем синтаксиса. Решение этого вопроса в значительной степени зависело от понимания взаимоотношений и взаимодействий грамматики и риторики. Учение о предложении и периоде, составляя основу риторики, тем самым оказывалось за пределами грамматического исследования. Оно лишь краем задевало грамматику. Так, в Грамматике Ломоносова сообщались лишь самые общие сведения о предложении как выражении логического суждения и об его основных частях (подлежащем и сказуемом). Изложение основ теории суждения и детальный анализ предложения и типов периодов составляли предмет Риторике. В силу этого грамматическое учение о «сочинении слов» отрывалось от теории предложения.

Перед исследователями русского синтаксиса возникала дилемма: оставить ли теорию предложения в составе риторики и тем самым свести весь синтаксис к правилам «сочинения частей речи», т. е. к теории словосочетания, или же включить в синтаксис и учение о предложении, определив круг задач риторики теорией поэтической речи и вопросами литературной стилистики.

В этом последнем случае для дальнейшей судьбы синтаксиса имел большое значение метод грамматического изучения предложения и его типов. Например, надо было решить, может ли быть перенесено в грамматику учение о предложении – в его тесной связи и взаимодействии с

теорией периода – так, как оно излагалось в Риторике Ломоносова, со всеми побочными стилистическими вопросами и тонкостями.

С другой стороны, при дальнейшей чисто грамматической переработке учение о предложении могло подвергнуться существенным ограничениям и упрощениям, могло приобрести абстрактный и формальный характер. Само собой разумеется, многое зависело от сочетания теории с практикой, от углубленного изучения живых процессов грамматического развития русского литературного языка, особенно живой народной речи, от общих философских основ лингвистического учения.

2. Отрыв учения о «сочинении частей речи» (или «частей слова») от теории предложения, естественно, должен был сопровождаться полным разрывом между понятиями «частей речи» и «частей, или членов, предложения».

3. Изложение способов «сочинения» слов опиралось на теорию частей речи. В связи с этим оно состояло, главным образом, в описании синтаксического употребления и синтаксических связей разных классов слов- как знаменательных, так и служебных.

Таким образом, само учение о «сочинении» частей речи, лежавшее в основе русского синтаксиса до 20-30-х годов XIX в., нуждалось в преобразовании. Такое преобразование могло состоять или в сближении учения о частях речи с учением о предложении и его членах, или же в создании теории словосочетаний как своеобразных синтаксических единств.

4. Ломоносовым была выдвинута вполне правильная и глубокая мысль о разных степенях зависимости синтаксических связей слов от группировки слов по семантическим разрядам или группам. Однако сам Ломоносов собрал слишком мало материала для того, чтобы сгруппировать слова в пределах разных частей речи по общим семантическим разрядам и положить эту группировку в основу анализа синтаксических связей.

5. Ломоносовское учение о предложении и его главных членах- подлежащем и сказуемом- не исчерпывало вопросов, относящихся к строю предложения, к различиям типов предложений, к составу предложений и к приемам выражения синтаксических отношений между словами внутри предложения.

Эти вопросы, выдвинутые Ломоносовым, в последующей традиции не всегда решались и разрабатывались в том направлении, которое было указано Ломоносовым. Русская синтаксическая наука в ее идеалистических ответвлениях не пошла по ломоносовскому пути.

Основная литература:

1. Васецкий Г. С. Философские взгляды М. В. Ломоносова.- В кн.: Из истории русской филологии. М., 1949.
2. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
3. Городилова Г.Г., Ецкова Э.М., Литвинова Н.Д. Русский язык. Л., 1991.
4. Гречко В.А. Теория языкознания: В 2 ч. Н. Новгород, 1998.
5. Ломоносов М.В. Полн. Собр. Соч. М. – Л., 1952.
6. Кузнецов П.С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.
7. Прияткина А.Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
8. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Айрис Пресс, 2006.
9. Современный русский язык под. ред. Леканта П.А. М.: Дрофа, 2002.

Дополнительная литература:

1. Античные теории языка и стиля. М.-Л., 1936.
2. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Спб., 1904.
3. Грунский Н. К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. 1-3. Юрьев, 1911-1913.

Лекция №3

Тема: Синтаксические воззрения и обобщения А.Х.Востокова, их значение в истории русского языкознания

План

1. Синтаксические учения в 20-30-е годы XIX века в России.
2. Развитие национальной русской грамматической науки в «Русской грамматике» Востокова.
3. Основной предмет и задачи синтаксиса словосочетания, по Востокову.

1. Синтаксические учения в 20-30-е годы XIX века в России.

В 20-30-е годы XIX в. изучение русского синтаксиса развивалось не только при помощи пересадки на русскую почву укоренившихся на Западе грамматических теорий, но и посредством самостоятельной разработки и систематизации специфических национальных свойств и качеств русского грамматического строя. Процесс закрепления норм национального русского литературного языка сопровождался усиленной научно-общественной работой над созданием и осознанием его живой грамматической системы.

Президент Российской Академии А.С.Шишков говорил о необходимости индивидуальной творческой инициативы в создании полноценной, основательной русской грамматики.

Совершенно естественно, что при создании грамматики национального литературного языка, прежде всего, бросается в глаза и подвергается систематизации специфика его звуков и форм. Парадигмы склонения и спряжения, естественно, предполагают и общую характеристику употребления форм. Но эта характеристика может облекаться в довольно общие формулы. Она еще недостаточно дифференцирована. То же можно сказать и об описании внутренней сущности таких грамматических категорий, в которых особенно глубоко проявляется специфика структуры национального языка. В истории

разработки описательной грамматики русского языка особенные затруднения были связаны с изучением системы категорий русского глагола. Тут выделялись вопросы о соотношении категорий времени и вида, о существовании категории вида, а также вопросы о категориях наклонения и залога.

Специфические качества этих категорий в русском языке лишь постепенно раскрывались в трудах А.В.Болдырева, Г.П.Павского, К.С.Аксакова, Н.П.Некрасова, А.А.Потебни, Ф.Ф.Фортунатова и др. Болдырев еще в своем «Рассуждении о глаголах» заявлял о русской грамматике, что «в ней очень много еще темного, непонятного, много неправильностей, ошибок. Она требует еще строгих изысканий критики, тонких наблюдений ума философского». В.Капнист в письме, адресованном Обществу любителей российской словесности (при Московском университете), писал: «Нужно, кажется, составить русскую грамматику на собственных нашего языка, а не какого-либо чужеземного правилах основанную. Среди исследователей-русистов, глубоко понимавших историческую связь и родство русского языка с другими славянскими языками и - вместе с тем - специфические национальные, или народные, особенности русского грамматического и лексического строя, первое место в истории русской филологической науки до середины XIX в., несомненно, принадлежит А.Х.Востокову (1781-1864). С его именем связаны не только блестящие открытия в области исторической грамматики славянских языков, сделанные с помощью сравнительно- исторического метода, но и крупные успехи в развитии самостоятельной отечественной науки о грамматическом строе русского языка.

В истории русских грамматических учений в первой трети XIX в. резко обозначилось характерное для общественно- политической борьбы той эпохи за национальную русскую культуру столкновение космополитических, или формально-логических, и народных, конкретно-

исторических теорий и направлений. Наиболее яркое выражение универсально-логические и отчасти схоластические тенденции в области изучения грамматического строя русского языка нашли в грамматических работах Н.И.Греча, особенно в его «Практической русской грамматике» (1827). Еще Ф.И.Буслаев увидел в грамматических разысканиях Греча отход от ломоносовских лингвистических традиций, конфликт с ними.

По словам Буслаева, основные положения Гречевой Грамматики «Идут прямо от Французов и немцев», т.е. не отражают специфических свойств грамматического строя русского языка. Позднее в своих воспоминаниях... Буслаев называет предписания и правила грамматики Греча условными, ни на чем не основанными, далекими от живой народной речи. Особенно наглядно и непосредственно эта антинародная сущность Грамматики Греча проявилась в изложении системы русского синтаксиса.

Синтаксису Греча, основанному на формально-логических началах всеобщей, «универсальной» грамматики, в тот период противостояла синтаксическая концепция Востокова.

2. Развитие национальной русской грамматической науки в «Русской грамматике» Востокова.

«Русская грамматика» (1831) Востокова была, несомненно, продолжением и развитием той национальной русской грамматической науки, основы которой были заложены великим Ломоносовым. Влияние «Российской грамматики» М.В.Ломоносова ярко сказывалось и в принципах построения востоковской грамматики, и в ее стремлении шире охватить явления живой народно-разговорной речи, и в ее стилистической направленности, и в элементах материализма, заметно проступающих через толщу укоренившейся тогда формально-логической схемы. Общеизвестно, какое громадное значение имела «Русская

грамматика» Востокова для последующей разработки морфологии русского литературного языка. Влияние Востокова остро ощутимо даже в «Очерке современного русского литературного языка» А.А.Шахматова. Между тем синтаксическая концепция Востокова как бы оставалась в стороне от главных линий развития русской синтаксической науки. Во всяком случае, о синтаксисе Востокова молчали почти все последующие составители русских грамматик, начиная с Буслаева. В связи с этим в русском дореволюционном языкознании укрепилось убеждение, что Востоков не вносит ничего нового в самую синтаксическую теорию. Вслед за Ломоносовым Востоков определял синтаксис как «словосочинение». Задача синтаксиса- устанавливать «правила, по коим совокуплять должно слова в речи». Учение о способах и средствах сочинения слов обязано считаться с различием стилей литературного языка. Как и Ломоносов, Востоков стоит за стилистическое разграничение синтаксических явлений. «Соединение слов, служащее к выражению мыслей, называется речью. Речь бывает по выбору слов, в нее входящих: 1. Важная, или благородная, называемая также книжным языком. 2. Простонародная, иначе называемая просторечием. 3. Между сими двумя средину занимает обыкновенная речь, или язык разговорный». Таким образом, Востоков- применительно к русскому литературному языку своей эпохи- различает три основные разновидности, состав которых резко отличается от ломоносовской системы трех стилей.

Анализируя строй простого предложения, Востоков обратил особенное внимание на синтаксические различия между простым и составным сказуемым и подчеркнул их важность для русского языка. Тем самым он выдвинул вопрос о формах выражения составного сказуемого, доказал его глубокое значение для изучения синтаксического строя русского языка и как бы наметил тему будущей докторской диссертации А.А.Потебни («Из записок по русской грамматике»).

С именем Востокова связывается новое понимание строя наиболее употребительных типов двучленных, или «двусоставных», предложений в русском языке. Новая точка зрения на строй предложения не могла не отразиться и на общем объяснении категорий глагола, а также кратких форм имен прилагательных и предикативных наречий, которые Востоков зачислял в разряд спрягаемых слов. Впрочем, учение о предложении в синтаксисе Востокова излагается чрезвычайно лаконично, в очень общем виде, без выделения и анализа разных типов предложения. Востоков учит, что предложение бывает простое (если в нем одно подлежащее и одно сказуемое) и сложное (когда заключает в себе по несколько подлежащих или сказуемых). Сложным Востоков называл слитное предложение. То, что теперь называется сложным предложением, Востоков рассматривает как период, т. е. как сочетание предложений.

Сверх подлежащего и сказуемого в предложении выделяются востоковской грамматикой также определительные и дополнительные слова, или члены. К определительным словам, кроме прилагательных и приложений, относится также наречие, показывающее меру, образ, время и место выражаемого прилагательным, глаголом и причастием качества действия или состояния. «Глагол определяется также и деепричастием, присовокупленным к оному, а прилагательное- другим прилагательным, а именно: притяжательное- качественным, или числительным порядочным». К дополнительным словам, кроме косвенных падежей существительных и местоимений, относится также инфинитив. Таким образом, Востоков еще не выделяет обстоятельства как особого (второстепенного) члена предложения.

3. Основной предмет и задачи синтаксиса словосочетания, по Востокову.

Основной предмет и задачи синтаксиса словосочетания, по Востокову, состоят в изучении и определении правил: 1) согласования

слов, 2) употребления падежей, или управления слов. К учению же о предложении примыкают правила сочетания целых предложений, или составления периодов. «К сим трем отделениям может быть прибавлено четвертое, заключающее в себе правила о размещении слов». Таков состав русского синтаксиса в понимании и изложении Востокова.

В раздел согласования включаются все те синтаксические отношения между словами, все те виды синтаксической связи, которые не относятся к управлению. Дальнейшая разработка вопросов русского синтаксиса привела к сознанию необходимости отграничить от явлений согласования, состоящего в уподоблении формы определяющего слова форме слова определяемого, явлений примыкания. Уже Буслаев в своей «Исторической грамматике русского языка» выделил в особый тип связи наречий и деепричастий, обособив их от согласования и от управления. Однако Буслаев еще не нашел термина для обозначения этих связей.

Второй раздел востоковского синтаксиса словосочетаний посвящен учению об управлении слов. Изложение начинается с вопроса об употреблении именительного и творительного падежей существительного в составном сказуемом.

В синтаксисе Востокова особенно тщательно разработан вопрос о предложном и беспредложном употреблении падежей существительных и местоимений при именах, глаголах и других словах. Востоков выделяет и цельные синтаксические комплексы в функции управляемого члена; например, родительный обозначения: человек пожилых лет, среднего роста; дитя семи месяцев и т. д.

Востоков учитывает взаимодействие лексических значений и синтаксических связей слов, или, вернее, роль вещественных значений слов в структуре семантически обусловленных, лексически ограниченных типов словосочетаний. Он характеризует целые семантические категории, связанные с теми или иными формами управления, и дает подробные перечни близких по значению глаголов и имен, которые дополняются

именами существительными в том или ином косвенном падеже. Определяя способы синтаксической сочетаемости ограниченных, семантически связанных групп слов, он стремится, с одной стороны, установить общее содержание, общий смысловой центр всей данной системы слов, а с другой стороны, дать исчерпывающий список соответствующих слов- с распределением их по более частным лексико-семантическим рядам.

Гораздо менее подробно изложены в Грамматике Востокова разделы синтаксиса, посвященные учению о составлении периодов и о знаках препинания и учению о «размещении слов». Период, по Востокову,- выражение умозаключения. Он «может состоять, по крайней мере, из двух главных предложений, простых или сложных, или же из нескольких предложений, соединенных союзами». По числу предложений, входящих в состав периода, периоды бывают двучленные, трехчленные и четырехчленные, но «период, из скольких бы членов ни состоял, большую часть делится на две половины, из коих во второй заключается доказательство, объяснение или следствие сказанного в первой половине».

По мнению Востокова, русская пунктуация связана главным образом с интонационно- смысловым членением речи, с ее ритмомелодическими формами и особенностями. Впрочем, Востоков указывает на то, что в пунктуационном разделении главных и придаточных предложений играют роль и логико- грамматические основания. И здесь наблюдается типичный для Востокова дар систематизации и лаконического изложения всех предшествующих правил и наблюдений, сочетающийся с собственным зорким и точным взглядом исследователя.

Очень интересны, глубоки и во многом самостоятельны наблюдения Востокова над «размещением слов». «Размещение слов,-

говорит Востоков,- есть показание порядка, в каком должны стоять слова, составляющие предложение.

Сюда относятся правила:

1. О порядке главных частей предложения и их связей.
 2. О размещении слов определительных и дополнительных»
- (Прибавление ко второй части (Грамматики).

Востоков связывает вопрос о нормах порядка слов и об изменениях в них с изучением строя различных модальных типов предложения. Прежде всего, он выделяет четыре основных типа предложений: повествовательный, вопросительный, ответный и повелительный. Эти типы предложений отличаются друг от друга и по своей грамматической структуре, по своему интонационному строю, и по размещению слов.

Таким образом, не только востоковский очерк русской морфологии, высоко оцененный Шахматовым, но и та часть Грамматики Востокова, которая посвящена изложению системы русского синтаксиса, особенно в области учения о словосочетании и словорасположении, содержат множество ценнейших замечаний и наблюдений. Несмотря на удивительный лаконизм изложения, строгую простоту и сжатость, Востоков в своем синтаксисе сумел дать тонкое, глубоко продуманное, систематизирующее все предшествующие наблюдения и вместе с тем вполне оригинальное описание основных форм словосочетаний в русском языке. Внушенная «Российской грамматикой» Ломоносова склонность к материалистическому освещению синтаксических явлений русского языка, трезвый реализм наблюдений, необыкновенный дар систематизации- все эти черты научного гения Востокова заставляют признать его прямым последователем и продолжателем Ломоносова в развитии русской синтаксической науки. Правда, большим недостатком востоковской синтаксической концепции является слабая разработанность теории простого и сложного предложения, а также отсутствие описания

грамматических различий в строении разных типов предложений русского языка. Следуя грамматической традиции, Востоков склонился к признанию безраздельного господства глагольного типа предложения в русском литературном языке. Стилистическая направленность востоковской Грамматики более ощущается в учении о словосочетаниях, чем в теории предложения. И все же синтаксис Востокова, в связи с учением о двучленности предложения остро выдвинувший проблему составного сказуемого, служит соединительным звеном между «Российской грамматикой» Ломоносова и исследованием Потебни «Из записок по русской грамматике», несмотря на глубокое различие их методологических основ.

Основная литература:

1. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004.
2. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1997.
3. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
4. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.
5. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М.: Логос, 2003.
6. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2000.
7. Валгина Н.С. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 2003.
8. Прияткина А.Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
9. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Айрис Пресс, 2006.
10. Современный русский язык под. ред. Леканта П.А. М.: Дрофа, 2002.

Дополнительная литература:

1. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Спб., 1904.
2. Буслаев Ф.И. О преподавании русского языка и словесности.- «Отечественные записки», 1856.
3. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1987.
4. Томашевский Б. В. О стихе. Л., 1929.

Лекция №4

Тема: **Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы**

План

1. Взгляды Л. В. Щербы на лингвистику и грамматику.
2. Проект грамматического описания языковой системы в диссертации «Восточнолужицкое наречие» Л.В.Щербы.
3. Значение воззрений Щербы в истории русского языкознания.

1. Взгляды Л. В. Щербы на лингвистику и грамматику.

Есть два типа лингвистов. Для одних суть исследования- в построении отдельных лингвистических зданий или в воспроизведении картин, отражающих частные проявления разнообразного языкового строительства. Общие проблемы языковедения таким лингвистам служат лишь лесами при постройке их здания, или правилами перспективы. Даже те общие теоретические выводы, которые получаются у них как зрелый плод, добываемый кропотливым трудом, не составляют заветной цели их научных устремлений. Достаточно вспомнить из истории русской науки хотя бы Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и А.И.Соболевского.

Для других- общие проблемы языковедения всегда стоят на первом плане. В какую бы глубину конкретного изучения того или иного языка и даже единичного языкового факта они ни спускались, на все они смотрят с точки зрения общей теории языка. Для них область языкознания- вместе с тем и лаборатория, в которой выковывается, испытывается и проверяется их общее миропонимание. Таковы в истории русского языкознания И.А. Бодуэн де Куртенэ и А.А.Потебня. К этому же типу лингвистов следует отнести и ...Льва Владимировича Щербу (1880- 1944).

Своеобразие научной позиции Щербы углублялось тем, что для него, сначала разделявшего многие предрассудки и заблуждения

субъективной идеалистической психологии, исследование всякой языковой структуры было связано с погружением личного сознания в духовный мир носителей данной языковой системы.

В кругу лингвистов, обладающих научной интуицией и языковым чутьем, Щерба различал две категории ученых. Одни, обладая огромным объемом сознания, поразительной способностью «держать одновременно в сознании или в сферах к нему близких громадное количество представлений», создают лингвистические системы, покрывающие всю разнородную и далеко раскинутую сеть тех или иных языковых явлений со всеми исключениями из них.

Другие, как Бодуэн де Куртенэ, своей интуицией на основании уже самого небольшого числа фактов умели делать правильные умозаключения: «...здесь играли большую роль дедуктивные процессы». Отсюда «удивительная способность сразу схватывать грамматические черты изучаемого языка».

Сам Щерба принадлежал к этой второй категории лингвистов к тем, кто «интуитивно угадывают сущность явления на основании зачастую ничтожного числа фактов, предоставляя времени и другим объяснять так называемые «исключения», или по крайней мере часть их, или вообще все, не вошедшие в их систему». Но подлинный лингвист, по мнению Щербы, всегда должен обладать «цельным и законченным лингвистическим «миросозерцанием».

В поисках методов тончайшего и всестороннего описания языковой структуры, в стремлении к «созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря» Щерба не мог обойти еще одной задачи. Это проблема смешения языковых систем, вопрос об исследовании путей языкового скрещения.

Гораздо больше острых и плодотворных идей было выдвинуто Щербой в отношении таких проблем общего языкознания, как лексический и грамматический строй языка, как вопрос о соотношении

речевой деятельности и языка как системы, о взаимодействии «индивидуальных речевых систем» и «языковой системы» в целом и т. п. Для Щербы главной задачей общего языковедения было проникновение в законы образования, развития и существования языковой структуры, в законы взаимодействия и взаимообусловленности всех ее элементов.

Различая речевую деятельность, т.е. процессы говорения и понимания, языковой материал, т.е. совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы, и систему языка, Щерба видел основную задачу лингвистики в воспроизведении системы языка, т. е. в создании его словаря и грамматики, адекватных действительности.

Основная работа лингвиста при воспроизведении и объяснении языка- это обобщение фактов речи и выведение из них системы языка.

Живая система языка складывается из лексики- словаря и грамматики в сложном их взаимодействии.

Граматику обычно противопоставляют лексике или лексикологии. Но основания для этого противопоставления могут быть разные. На первый взгляд, рассуждает Щерба, естественно противопоставить обозначение самостоятельных предметов мысли (лексика) и выражение отношений между этими предметами (грамматика). Все формы слов, имеющие синтаксическое значение, вошли бы в грамматику, однако слова и формы слов, не выражающие ни самостоятельных предметов мысли, ни отношений между ними, оказались бы беспризорными при подобном противопоставлении. Таковы формы числа, рода имен существительных, формы вида и т. п. Недаром грамматические каталогизаторы готовы признать формы единственного и множественного числа существительных разными словами. Беспризорными остались бы словечки очень, весьма и т. п. При таком понимании вещей все так называемые служебные слова- предлоги, союзы, связки,- некоторые местоимения, многие предложные и союзные выражения попадают

только в грамматику и совершенно исчезают из словаря. Многие слова и выражения в одной функции остаются в словаре (мимо- как наречие, при посредстве- предлоги) –попадают в грамматику. Далее, при подобном противопоставлении все словообразование, а в конце концов и фонетика должны были бы войти в лексику, в словарь. Кроме того, в таком понимании взаимоотношений словаря и грамматики недостаточно учитывается роль строевых элементов лексики.

Щерба, стремясь включить все строевые слова в систему грамматики, склоняется к иному противоположению лексики и грамматики. С одной стороны, по его мнению, все индивидуальное, единичное, существующее в памяти как таковое и по форме никогда не творимое, в момент речи- лексика, а с другой стороны, все правила образования слов, формы слов, групп слов и других единств высшего порядка- грамматика. Очертив таким образом, и притом очень субъективно, границы грамматики, Щерба, естественно, приходил к выводу, что даже типизованные случаи изменения значений (путем переноса и т. д.) должны рассматриваться в грамматике.

В большей части лингвистических исследований грамматика «оторвана от разбора способов выражения разных нюансов мыслей и чувств». Между тем грамматика- это «сборник правил человека», а сама объективная языковая действительность, управляющая нашей речью. Это система упорядоченного лингвистического опыта.

Щерба подчеркивал необходимость «различать активную и пассивную грамматику, в связи с тем стоит вопрос о возможности или невозможности построения «идеологической грамматики», т. е. исходящей из семантической стороны, независимо от того или иного конкретного языка». Легко заметить, что понимание объема и задач грамматики у Щербы очень широкое и очень индивидуальное.

2. Проект грамматического описания языковой системы в диссертации «Восточнолужицкое наречие» Л.В.Щербы.

Новый проект грамматического описания языковой системы был прежде всего разработан Щербой в его докторской диссертации «Восточнолужицкое наречие». Здесь сначала дано тщательное описание фонем по тому плану, который был еще ранее намечен и испытан Щербой в его магистерской диссертации «Русские гласные в качественном и количественном отношении» на материале собственного родного произношения. В это описание фонем, исполненное, по отзыву Шахматова, «мастером своего дела, выдающимся фонетистом-экспериментатором», включаются наблюдения над фонетическим словом и фонетической фразой, над своеобразиями произношения слов в конце предложения. В связи с характеристикой фонологической структуры слова отмечается синтаксическая и морфологическая роль динамического ударения в слове. Тщательно изучается интонационно-мелодическая структура фразы.

Но особенно ново и показательно при описании качественных и количественных модификаций фонем тонкое описание фонетических факторов, обуславливающих чередования фонем и оттенков фонем. Сам Щерба отмечал несоответствие этих фонетических изысканий научному идеалу, который он себе ставил. Но «наука наша в данном случае находится еще в зачаточном состоянии. Мы еще не умеем отличать факторы, действовавшие в прошлом, от факторов, действующих в настоящем, так как обыкновенно наблюдаем лишь зафиксированные результаты действия этих факторов. Поэтому большинство факторов, действующих в настоящем, и вовсе ускользывает от нашего наблюдения. Я полагаю, что значение так называемой «экспериментальной» фонетики и состоит прежде всего в том, что она дает нам возможность заглянуть в глубь явлений, тогда как до сих пор мы наблюдали лишь их поверхность. С развитием этой отрасли нашей науки будет возможным

излагать эту главу так, что она будет носить название: о действующих фонетических факторах и об осуществляемых их результатах». Заканчивается фонетический анализ исследованием «ассоциаций фонем», т. е. связей, соотношений и взаимодействий фонем.

Легко заметить в этом фонематологическом описании языка ярко выраженный грамматический уклон. Дело в том, что у Щербы были долгие колебания, рассматривать ли фонетику, или фонематологию, как особую научную дисциплину, соотносительную с грамматикой и лексикологией, или же включить ее в грамматику. Препятствием для решения этого вопроса в пользу грамматики было в глазах Щербы то обстоятельство, что некоторые фонологические проблемы, например изучение и описание исторических чередований фонем, должны входить и в лексикологию. Но в последней своей работе «Очередные проблемы языковедения» Щерба склонился к заключению, что фонетика, как в пассивном, так и в активном своем аспекте, - это один из отделов грамматики.

Фонетика в своем пассивном аспекте выясняет среди пестрого разнообразия произносимого смыслоразличающие звуковые противоположения данного языка; в своем активном аспекте она изучает правила произношения фонем в разных фонетических условиях. Наконец, изучая чередования фонем данного языка, она обнаруживает реальную базу так называемого этимологического чутья в данном языке. Использование чередований в словообразовании и в формообразовании должно, конечно, найти место в этих отделах.

К фонетике, понятно, относятся и фонологическое описание ударения и интонация. Но, естественно, и лексикология не может обойтись без учения об историко-этимологических соответствиях и чередованиях звуков.

Щерба думал, что кроме фонетики и фонологии в грамматике следует различать четыре раздела: словообразование, формообразование, синтаксис и учение о частях речи.

Кратчайший отрезок «речи», который мы можем выделить, ее не разрушая, и который в данном контексте и в данной ситуации соответствует единому понятию, есть синтагма; кратчайший элемент «языка», который сам по себе имеет то и другое значение и соответствует отдельному понятию, выработанному в данном коллективе, есть слово. Иначе говоря, синтагме процесса речи- мысли, или связного речевого целого, отвечает слово в языке, или системе лексики и грамматики. Структура слова различна в разных языках.

Противопоставление словообразования формообразованию в концепции Щербы было связано с учением о формах слова. Щерба понимал узость, произвольность и недиалектичность традиционного различения форм словоизменения и форм словообразования. Он рассматривает слово как систему форм, обозначающих оттенки одного и того же понятия, и стремится установить границы между словами и принципиальность противоположения словообразования и формообразования, Щерба подчеркивал в то же время, что во многих языках формы слов и слова образуются в большинстве случаев одними и теми же способами.

Отдел словообразования в грамматике должен содержать систему способов, правил активного словообразования, т. е. изложение, как можно делать новые слова. Словообразование бывает морфологическим, фонетическим и синтаксическим.

Формы слов распределяются по группам «существительных», «прилагательных», «глаголов» и «наречий», т. е. по частям речи. Это вполне естественно, так как слова различных грамматических классов отличаются друг от друга и системами форм. Следовательно, учение о лексико- грамматических категориях (о частях речи, о категориях рода,

одушевленности- неодушевленности существительных, о категории глагольного вида и т. п.) у Щербы фактически переплетается с отделом формообразования, а также и словообразования.

Для Щербы, как и для О.Есперсена, при подведении слова под грамматическую категорию решающую роль играла его функция в предложении. «Чтобы узнать, к какому классу принадлежит слово,- пишет Есперсен,- недостаточно рассматривать его форму саму по себе; решающим моментом должно быть «поведение» слова в речи по отношению к другим словам и поведение других слов по отношению к данному слову».

Подойдя с этих позиций к вопросу о частях речи в русском языке, Щерба установил в системе русских знаменательных частей речи новую категорию- категорию состояния. Это открытие сделано Щербой совершенно самостоятельно, но пути к нему уже были указаны предшествующими грамматическими наблюдениями русистов, которые ссылались на своеобразие функций таких слов, как нельзя, жаль, совестно, боязно, рад, горазд и т. д. Щерба готов был «отметить еще одну категорию слов знаменательных, хотя она никогда не бывает самостоятельной,- это слова вопросительные. Формальным ее выразителем является специфическая интонация синтагмы (группы слов), в состав которой входит вопросительное слово». Но несколько позднее Щерба согласился, что эта категория не соотносительна с другими «частями речи» и что лучше ее связать с категорией модальных слов.

В кругу служебных слов Щерба глубоко обосновал необходимость выделения в особый разряд связок, а в том, что традиция называла союзами и союзными словами, Щерба дифференцировал четыре категории: союзы сочинительные, союзы присоединительные, союзы слитные, соединяющие слова или группы слов и образующие из них бесконечные ряды однородных целых, открытые сочетания, и подчинительно- относительные союзы и союзные слова. Особенно

плодотворными являются наблюдения Щербы над присоединительными функциями союза. Открытие присоединительных связей заставило по-новому оценить и осветить синтаксические реформы Карамзина и Пушкина. Она вносит много нового и в понимание общей эволюции синтаксиса русского литературного языка.

В области синтаксиса, по словам Щербы, еще резче дают себя чувствовать различия пассивного и активного аспекта грамматики. На долю пассивного синтаксиса (за вычетом учения о синтаксических функциях форм, относящегося к формообразованию) придется «отнести изучение синтаксических значений только синтаксических же выразительных средств- порядка слов, сочетаний слов, определенных функций фразового ударения и фразовой интонации».

В активном же синтаксисе «рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль. Например: как, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще? Как выражается описание того или иного куска действительности?»

Из этих общих тезисов непосредственно ясно, что первоначально синтаксис в концепции Щербы имеет ярко выраженный психологический и фонетический, а не логический уклон, что для Щербы в центре синтаксиса стоит не понятие предложения, а понятие группы слов, то, что впоследствии Щерба называл «синтагмой».

Положив в основу синтаксической системы понятие группы слов, соответствующих одному сложному, нерасчлененному представлению или понятию, Щерба изучает способы образования групп слов и сочетания групп с группами.

«Средствами выражения связи между словами и группами слов... являются: интонация (в самом широком смысле слова), порядок слов и их групп, отдельные вспомогательные слова и, наконец, формы слов».

Щерба развил также мысли о типах одночленных и двучленных предложений: первый тип (одночленный) характеризуется одним

концентром, не расчлененным на подлежащее и сказуемое, второй тип (двучленный)- двумя концентриками: подлежащего и сказуемого. Такие типы предложений существуют и в современном языке. Что же касается первичности одночленного предложения, то этот вопрос крайне проблематичен. Нам представляется, что учение Щербы о двух типах фразы носит очень внешний фонетический характер, и глубоким заблуждением является попытка подменить им теорию предложения.

К сожалению, все эти спорные и во многих отношениях неясные синтаксические идеи остались в работах Щербы не развитыми. Было бы желательно, чтобы ученики Щербы, записывавшие его курс синтаксиса русского языка, изложили подробнее систему синтаксического учения Щербы.

3. Значение воззрений Щербы в истории русского языкознания.

Обогадив грамматическую теорию новыми мыслями, которые, однако, не образуют никакой цельной системы, стремясь активно, хотя и не всегда удачно, содействовать развитию русского языкознания на диалектико- материалистической основе, Щерба в своих «Опытах лингвистического толкования стихотворений» (Пушкина и Лермонтова) с необыкновенным талантом и лингвистическим вкусом показал выразительные функции разных грамматических средств. Можно решительно утверждать, что ни у кого из русских филологов до Щербы, включая сюда и Ф. И. Буслаева, проблема лингвистического толкования литературного текста не разрешалась так глубоко и так тонко.

Во всех своих лингвистических построениях Щерба стремился самостоятельно, глубоко, без всяких шор, без всякой предвзятости изучать языковой материал, осмысляя его как выражение и отражение системы того или иного языка. В силу своей оригинальности сам он всегда приходил и к новым мыслям и к новым решениям лингвистических проблем или, по крайней мере, к новой, своеобразной их постановке.

Новыми мыслями богаты все лингвистические, в том числе и грамматические, работы Щербы. Эти работы отражают твердое стремление Щербы вступить на путь материалистического языкознания. Многие из этих новых мыслей недостаточно оценены.

Даже в тех случаях, когда лингвистические идеи и построения Щербы уже находили себе соответствие в лингвистической традиции, сам Щерба субъективно переживал свою мысль как индивидуальное открытие. И он был прав не только субъективно. Во всех его работах и статьях находила яркое выражение его оригинальная личность, его менявшееся, но непрестанно углублявшееся лингвистическое мировоззрение, его творческий метод.

Основная литература:

1. Богомазов Г.М. Современный русский язык. М.: Владос, 2001.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Труды по общему языкознанию, т.1. М., 1963.
3. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М.: Логос, 2003.
4. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2000.
5. Валгина Н.С. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 2003.
6. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
7. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
8. Языкознание. Большой Энциклопедический Словарь.// гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Большая Советская Энциклопедия, 2000.

Дополнительная литература:

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Труды по общему языкознанию, т.1. М., 1963.
2. Потехня А. А. Объяснение малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1887.
3. Шахматов А. А. Заметки по истории звуков лужицких языков. М., 1968.

Лекция № 5

Тема: Труды А. А. Потебни и В. И. Чернышева по лексикологии и семасиологии

План

1. Труды А. А. Потебни по лексикологии и семасиологии.
2. Развитие взглядов А.А.Потебни на задачи исторической семантики.
3. Труды В. И. Чернышева по русской лексикологии.

1. Труды А. А. Потебни по лексикологии и семасиологии.

Наша отечественная наука о языке во второй половине XIX в. в области исторической лексикологии шла впереди западноевропейского языкознания. Именно нашими отечественными учеными был выдвинут и материально обоснован принцип закономерности изменений значений слов и выражений.

Великий русский и украинский лингвист А. А. Потебня еще в самых ранних своих работах: «О некоторых символах в славянской народной поэзии», «О связи некоторых представлений в языке», «О купальских огнях и сродных с ними представлениях», «О долее и сродных с нею существах»- высказал мысль о необходимости изучения законов и правил внутренних сцеплений и объединений значений у целых групп слов, о необходимости исследования семантических рядов слов в связи с развитием языка и мышления, в связи с историей народа. «...Язык в настоящем своем виде,- писал Потебня,- есть столько же произведение разрушающей, сколько и воссоздающей силы. Соответственно замене обветшавших звуков и форм новыми, собственный смысл слова поддерживается в памяти народной сопоставлением этого слова с другими, имеющим сходное с ним основное значение».

Изменения значений у слов определяются закономерными связями семантических групп в общей системе языка. В соответствии со своей

субъективно- идеалистической терминологией Потебня говорит о необходимости группировать образы народной поэзии «по единству основного представления, заключенного в их названиях». Он выражает твердую уверенность, что с точки зрения языка можно привести символы народной поэзии в порядок, согласный с воззрениями народа, хотя бы эти воззрения и относились к более древней ступени народного мышления, т. е. отражали развитие познавательной деятельности народа в перспективе прошлого. Легко увидеть идеалистические основы и предпосылки этого замысла, опирающегося на принципы так называемой «психологии народов», и отсутствие подлинного историзма в его осуществлении.

Но самая мысль о глубокой внутренней связи разными семантическими рядами слов в языке, необходимости изучать системы или цепи значений слов, относящихся к одной или нескольким смежным лексико- семантическим сферам или группирующихся вокруг одной семантической категории, одного семантического ядра, или одних и тех же «представлений», как выражался Потебня на языке субъективного идеализма, и связывать их с общественным бытом народа, с воззрениями народа, имела для той эпохи глубоко прогрессивный характер. Так, находя закономерные смысловые связи в обилии слов, имеющих в основании представления огня и света, Потебня указывает: «...голод, жажда, желание, любовь, печаль, радость, гнев представлялись народу и изображались в языке огнем. Слова, первоначально применяемые к нескольким понятиям, например и к желанию, и к печали одно известное понятие». Это стремление Потебни открыть закономерные связи и взаимодействия значений слов не опиралось ни на строгую концепцию истории народной мысли, ни тем более на ясное понимание истории народа, его быта, его культуры, законов его общественного развития. Романтико- идеалистические основы взглядов Потебни общеизвестны. Но уже самая постановка семасиологических исследований слов, задуманная

Потебней в широком плане, была глубоко знаменательна и показательна для истории развития нашей отечественной лексикологии и семасиологии.

Изучение изменений «рядов представлений» в языке (т. е. лексических значений слов) в связи с развитием культуры и мышления, открытие «законов перехода представлений», по мнению Потебни должно стать одной из главных задач историко-лексикологического исследования. Потебня подчеркивает не только взаимодействие взаимосвязь языка и мышления, но и сильное влияние языка на мысль.

У Потебни ярко выступают романтические предрассудки. Он рассматривает изменения в семантике языка в отрыве от закономерностей развития общественной жизни и односторонне преувеличивает влияние языка на мысль. Потебня не всегда различает мышление и мировоззрение и не связывает истории социальных мировоззрений с историей производства и материальной культуры. Идея о том, что реальный процесс общественной жизни и производственной деятельности обуславливает развитие словарного состава языка, что и язык и сознание- только проявления действительной жизни, чужда Потебни. Изучая соотношение категорий языка и категорий мышления отрешенно от социально- исторической действительности, Потебня нередко придавал языку решающее значение в процессе формирования мысли и связей мыслей и приходил к пониманию национального языка как типа или стиля «национального мышления».

В ранних работах Потебни изучение закономерностей семантических связей слов в народнопоэтическом русском и украинском языке- с широкими сравнительными параллелями из других славянских языков- больше всего было направлено на познание «сгиба народного ума», на разгадку путей развития народного мышления.

Интересна попытка Потебни дать семантический анализ серии русских слов, связанных с понятием доли, судьбы, «названий» доли: часть,

недоля, бездолье, пай, случай, притка, притча, время, безвременье, областных безлетье («беда, неудача»), рок, лихо, беда, нужда и др. В процессе анализа этой группы семантически связанных слов Потебня еще больше расширяет объем исследуемых им лексико-семантических систем, или групп слов. Он привлекает семантически сближающиеся и сталкивающиеся по связи с долей слова, обозначающие болезнь и смерть.

В работе о «Слове о полку Игореве» Потебня также не раз останавливается на вопросе о связях значений слов в системах, или рядах слов, охватывающих ту или иную смысловую сферу, особенно в восточнославянских языках. Так, говоря о связи понятия совместности, уместности с значением красоты... Потебня указывает, что «во многих словах замечается переход от сходства, уместности, своевременности к красоте».

Необходимо отметить также мысли Потебни о взаимодействии между словом и предложением, а иногда даже целым поэтическим произведением. В записях лекций Потебни о басне, пословице, поговорке, опубликованных под заглавием «Из лекций по теории словесности», излагаются замечательные наблюдения Потебни над возникновением пословиц, поговорок, слов в результате «сжатия» народных повестей, басен, сказок: этот процесс можно назвать процессом сгущения мысли.

Стремление построить семантику как науку об исторических закономерностях изменений значений слов заставило Потебню искать новых, углубленных путей исследования систем значений слов. В своих очерках «К истории звуков русского языка»... (1876-1883) Потебня посвящает один этюд семантической истории русских слов, обозначающих населенные места и вместе с тем сельскохозяйственные участки земли: село, селище, деревня, дворище, пожня, выть, участок, волока, околодок и др.

Любопытен подзаголовок этой статьи: «К истории быта». Потебня связывает историю изменений значений этих слов с историей земледелия и крестьянского землевладения, с историей сельской общины на севере России. Но, само собой разумеется, и эта работа Потебни, знаменовавшая новый этап в его историко-семантических исследованиях, построена на общих соображениях культурно-исторического характера и очень далека от подлинно научного, социологического, историко-материалистического объяснения возникновения и развития соответствующего круга понятий и терминов.

2. Развитие взглядов А.А.Потебни на задачи исторической семантики.

Следующей ступенью в развитии взглядов Потебни на задачи исторической семантики является его исследование «Об изменении значения и заменах существительного», складывавшееся, как известно, во второй половине 80-х и вошедшее в состав 3 тома «Из записок по русской грамматике».

Здесь Потебня со всей решительностью настаивает на необходимости видеть в исторической семантике слова центр истории языка. Стоя на позиции диалектики, хотя и идеалистической, Потебня решительно возражает против метафизического подхода к исследованию семантических категорий языка. Он призывает к историко-семантическому изучению отдельных народных языков, а затем уже к обобщениям, касающимся семантических законов развития языка вообще.

Таким образом, Потебня широко раздвигает горизонт исторической семантики слова, ставя перед ней задачи открытия исторических закономерностей изменений не только больших, более или менее замкнутых систем слов, но и общих «разрядов мысли», основных семантических, лексико-грамматических, также словообразовательных категорий языка. Однако Потебня не мог освободиться от

ограничивающих его научное творчество пут идеалистической философии языка.

3. Труды В. И. Чернышева по русской лексикологии.

Василий Ильич Чернышев (1867-1949) был одной из своеобразнейших и характернейших личностей в отечественной науке о русском языке и в области методики обучения живому родному слову.

А. А. Шахматов, который после смерти Я. К. Грота был приглашен возглавлять в Академии наук работу по составлению академического Словаря русского языка, привлек Чернышева к этой работе и призвал его углублять и расширять свои исследования по лексикологии и диалектологии.

Весьма разнообразны и значительны труды Чернышева в области русской лексикографии и лексикологии. С именем Чернышева связан новый период в истории развития методов и принципов, определивших план издания 17-томного толково-исторического и нормативного академического Словаря русского литературного языка XIX-XXвв. В. И. Чернышев возглавлял... работу по подготовке и изданию этого словаря, который, по замыслу его, «должен охватить все богатство русского литературного языка с его лексикой и семантикой в пределах его развития от эпохи Пушкина и до наших дней; он должен явиться проводником правильного понимания социального значения слов русского языка и руководством к общепринятому употреблению слов и оборотов речи в их значениях и формах».

Эта грандиозная задача так и осталась неосуществленной, так как самый вопрос о способах и возможностях сочетания и объединения толково-исторического и нормативно-стилистического принципов или подходов к структуре одного и того же словаря не был достаточно широко и ясно освещен в предшествующей научной лексикографической литературе.

По-видимому, взгляды и методологические установки Чернышева в области лексикографии ярче всего сказались в его... разборе «Толкового словаря русского языка» под редакцией Ушакова. Прежде всего Чернышев

подвергает внимательному критическому разбору лексический состав Словаря. Отмечается неясность и непоследовательность в определении границ слова. С одной стороны, проявляется тенденция к обособлению форм слова, например сравнительной степени прилагательных, а с другой стороны, количество таких форм выбирается случайно и подбирается неполно.

Чернышеву кажется, что при составлении Толкового словаря в него охотно вносилось подслушанное в просторечии слово. Чернышев осуждает также непоследовательность составителей Толкового словаря в коллекционировании слов и форм той или иной словообразовательной категории. Критическое заключение Чернышева о Толковом словаре под реакцией Ушакова сформулировано очень четко и определено: «Система Толкового словаря не выявляется достаточно ясно. Рядом с элементами русской литературной классической речи в нем постоянно ставятся малолитературные или вовсе нелитературные словоупотребления живого московского просторечия.

Кроме недостатков отбора слов, Чернышев отмечает в Толковом словаре ошибки в определении слов и классификации их значений, Чернышевым отмечается также неточное объяснение некоторых сложных выражений; например: вешние воды, петь Лазаря, пить мертвую, падать от усталости.

В историко-лексикологических изысканиях больше всего увлекает Чернышева изучение «темных» слов.

И сам Чернышев своими исследованиями значительно сократил количество «темных» мест в русском словаре. В своих историко – лексикологических разысканиях Чернышев прежде всего связывает один ряд семантических изменений с изменениями руководящих жизненных тенденций, с переменами бытовой и производственно – трудовой обстановки, с передвижением составляющих общество социальных сил в отношении влияния на культуру и государство.

Очень интересны наблюдения Чернышева над семантической эволюцией собственных имен Омельфа, Охрюта, Пеньтюх. Правда, в этой области у Чернышева было много предшественников, и самые близкие –Ф.Е. Корш, А.И. Соболевский, Б.М.Ляпунов и Д.К. Зеленин. Но и здесь Чернышев поражает разнообразием и богатством привлекаемого им к исследованию фольклорного культурно –исторического и литературного материала.

Любопытны также разыскания Чернышева об отражениях в семантике имен отношений между разными классами и социальными группами. Чернышев изучает происхождение, источники и народное употребление имен, которые даны действующим лицам в сказках Пушкина о царе Салтане, о золотом петушке, о мертвой царевне (и семи богатырях) (Салтан, Гвидон, Додон, Чернавка).

Особенно оригинальной по методу и исторической тщательности лексикологического исследования является работа Чернышева «Терминология русских картежников и ее происхождение».

Творчество Чернышева является живой, одушевленной энциклопедией русской филологии, и прежде всего русского народного языка, мышления и быта.

Основная литература:

1. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1997.
3. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
4. Городилова Г.Г., Ецкова Э.М., Литвинова Н.Д. Русский язык. Л., 1991.
5. Прияткина А.Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
6. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Айрис Пресс, 2006.
7. Современный русский язык под. ред. Леканта П.А. М.: Дрофа, 2002.
8. Чернышев В.И. Избранный труда в 2-х т., М., 1970

Дополнительная литература:

1. Гречко В.А. Теория языкознания: В 2 ч. Н. Новгород, 1998.
2. Потебня А.А. Мысль и язык. Одесса, 1922.
3. Потебня А. А. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. Харьков, 1914.
4. Шахматов А.А. Отзыв о сочинении В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи». Спб., 1912.

Лекция №6

Тема: Проблемы русской речевой культуры в освещении

Г.О.Винокура

План

1. Развитие культуры языка в 20-е годы XX столетия.
2. Проблемы русской речевой культуры в книге Г.О.Винокура «Культура языка».
3. Круг проблематики культуры языка.

1. Развитие культуры языка в 20-е годы XX столетия.

Интерес к проблемам культуры языка особенно сильно возрос. Эти проблемы сначала связывались очень тесно с более общими задачами так называемой «языковой политики» в связи с бурно развивающимися процессами становления и развития новых национальных литературных языков народов Советского Союза.

Термин «языковая политика» с 20-х годов XX столетия приобретает очень большую популярность. Им обозначалось, с одной стороны, целенаправленное вмешательство общества в стихийный процесс языкового развития, а с другой стороны- организованное руководство этим процессом.

Любопытно, что и пражские структуралисты, исходившие, в основном, из идей Ф. де Соссюра, все же пришли к убеждению о возможности и даже необходимости сознательного воздействия на развитие языка. По их мнению, развитие литературного языка предполагает и увеличение роли сознательного вмешательства в речевую жизнь. Это вмешательство, согласно тезисам Пражского лингвистического кружка, «проявляется в различных формах реформаторских попыток (в частности, пуризма), в языковой политике и в более ярко выраженном влиянии лингвистического вкуса эпохи (эстетика языка в своих последовательных изменениях)».

Сюда, естественно, относятся проблемы нормализации языка и связанная с научным пониманием их общей направленности оценка всяких новообразований и отклонений от литературных норм в речи и в языке. Потому выдвигается как одна из важнейших задач современной науки о современном языке всестороннее изучение и определение «принципов сотрудничества и взаимозависимости социально стимулированного и системно обусловленного в языке». Гораздо раньше замечательный русский лингвист, ученик Л. В. Щербы Е. Д. Поливанов в статье «Историческое языкознание и языковая политика» призывал в связи с проблемами нормализации и общественного регулирования процессов развития языка к созданию «общего учения о механизме языковой эволюции». Именно в плане научной теории о закономерностях развития системы того или иного живого языка и должны оцениваться новые явления в языке и отклонения от установившихся норм. В «Вопросах культуры речи» помещена любопытная статья В. П. Григорьева «Культура языка и языковая политика», в которой справедливо говорится о некоторой далекости языкознания от жизни в силу отсутствия общей теории языковой эволюции. «Между тем «живой как жизнь» язык развивается вместе с «живой, закономерно развивающейся действительностью» (М. Горький), и

языковеды, если они не хотят вечно оставаться в роли пассивных констататоров языковой стихии, должны научиться делать обоснованные прогнозы, давать целенаправленные рекомендации, создавать надежный лингвистический компас».

2. Проблемы русской речевой культуры в книге Г.О.Винокура «Культура языка».

В этом контексте очень своевременно вспомнить и рассмотреть с позиций актуальных задач настоящего времени одну из первых советских книг, пытавшуюся подробно и своеобразно- не только в практическом, но и теоретическом аспекте- осветить проблемы русской речевой культуры: книгу профессора Г. О. Винокура (1896-1947) «Культура языка» (1925).

Винокур связывает изучение вопросов культуры языка с задачами прикладного языкознания, с задачами практической стилистики.

«Наша речь всегда должна быть известным образом построена. Она есть объект культурного преодоления, нуждается в некоторой стилистической организации». В связи с этим «и возникает та культурная проблема, разрешение которой должно составить задачу прикладного языковедения: удобнее всего ее охарактеризовать как проблему культуры языка. Поскольку мы говорим о языке как о некоторого рода организованном построении, как об активности, проблема культуры языка сводится к тому, чтобы овладеть принципами построения различных типов и жанров речи в рамках заданной социальной традиции. Речь устная и письменная, ораторская и разговорная, канцелярская и поэтическая, митинговая и парламентская, докладная записка или указ, беседа с приятелем и дипломатический обмен любезностями, язык в прозе и в стихах- все эти языковые задания, вместе с прочими бесчисленными явлениями, которые можно продолжить в каждом из этих видов и подвидов, требуют своих средств

выполнения и своей «техники»: этим средствам и их применению и учит практическая стилистика,- то прикладное языкознание, та лингвистическая технология.

Очевидным условием возможности культуры языка является, во-первых, высокая лингвистическая сознательность говорящих, а во-вторых- тесно связанная с этим любовь к языку. Сами по себе лингвистические знания не могут воспитать лингвистического вкуса и лингвистической дисциплины, если они не предваряются культурностью говорящего. Культурность в общем смысле этого слова и является необходимым предварительным условием сознательной любви к языку».

С другой стороны, «культура языка в подлинном смысле невозможна без действительного и- в тенденции- исчерпывающего знания о языке, т.е. о тех его средствах, которые находят свое своеобразное применение в зависимости от внутренней телеологии того или иного социально- речевого задания. Именно так и распадается наша практическая стилистика: на учение о средствах языка и учение о языковых заданиях, с точки зрения разнообразного применения языковых средств в каждом из них.

Кроме орфоэпии, «здесь пытливому и заинтересованному вниманию должны раскрыться все так называемые тайны слова, т. е. механизм грамматических отношений в языке с его различными функциональными назначениями и словарные богатства языка с их возможностями семантической нюансировки». По мнению Винокура, именно грамматической стилистике принадлежит первенствующая роль в деле лингвистического воспитания и поднятия языковой культуры, хотя важны и «словарно- семантические отношения». «Изучение грамматической стилистики и должно создать навыки к установке на организующие моменты языкового выражения, научить внимательному отношению к элементам построения речи».

Итак, для Винокура «культура языка» должна, опираясь на прямое и подлинное знание языка и путей его движения, указывать истинные тенденции или способы насаждения лингвистической культурности и развития языкового самосознания и отмечать, отвергать все то, что противоречит нормам языка и развитому лингвистическому вкусу, «чувству соразмерности и сообразности» (пользуясь определениями А.С.Пушкина).

В связи с этим нельзя не обратить внимания на одно обобщение Винокура: «Язык есть культурная традиция: основные схемы этой традиции, ее крайние границы могут очевидно измениться только с изменением самой культуры». Проблема культуры языка неотрывна от вопроса о языковой политике.

Сближая вопросы культуры языка с «практической стилистикой», или «технологией речи», Винокур иногда от нормативно-воспитательной точки зрения переходит к точке зрения исторической... «История русской культуры знает эпоху, когда поэтическое творчество было ярким знаменем социальной культурно-лингвистической работы, проводником стилистического самосознания в повседневную жизнь и культурный быт». Это «эпоха Пушкина». Тогда с необыкновенным напряжением и подъемом развивался «свободный общественный интерес к языку как орудию культурной жизни и творчества», к проблемам правильности и чистоты языка, к его нормам и допускаемой им свободе индивидуальных отклонений.

3. Круг проблематики культуры языка.

В круг проблематики культуры языка входят или граничат с ним следующие задачи:

1. Изучение норм языка на всех уровнях языковой системы в их отстоявшихся формах, противоречиях и вновь развивающихся

тенденциях; следовательно, явления нормализации должны исследоваться не только в историко-результативном, но и в динамическом аспекте.

2. Изучение стилей языка и стилей речи в их соотношениях и взаимодействиях. Для глубокого понимания стилей языка в их соотношениях должны быть определены структурные типы основных стилевых систем языка в орфоэпическом, грамматическом и лексико-фразеологическом аспектах, должны быть описаны и исследованы их связи и взаимопроникновения. Для описания движения и взаимодействия стилей речи должны быть охарактеризованы и сопоставлены разные типические, или типологические, композиционные формы речевых построений, конструкций и диапазона их колебаний.

3. Необходимо на основе всей полноты современной речевой жизни в ее соотношении с системой языка, с нормами ее структуры и ее модификаций определить доминирующие тенденции языкового развития, непрерывно проверяя их на вновь возникающих речевых развитиях.

4. Наука о культуре языка, или культуре речи, представляет собой теоретическую и практическую дисциплину (или сферу исследований), смежную со стилистикой языка и стилистикой речи, обобщающую их положения и выводы как с целью живого, оперативного воздействия на дальнейшие процессы развития языка, так и с целью определения основных эстетических норм, форм и тенденций связи литературной речи с движением стилей художественной литературы.

Основная литература:

- 1.Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т., М., 1955.
- 2.Богомазов Г.М. Современный русский язык. М.: Владос, 2001.
3. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1987.
- 4.Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
- 5.Ефимов А.И. Стилистика русского языка. М., 1969.

- 6.Ефисов А.И. Об изучении языка художественных произведений. М., 1952.
- 7.Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М., 1961.
8. Прияткина А.Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
9. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Айрис Пресс, 2006.
10. Современный русский язык под. ред. Леканта П.А. М.: Дрофа, 2002.

Дополнительная литература:

1. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
2. Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе.- ВЯ, 1962.
3. Вопросы культуры речи. М., 1963.

Лекция №7

Тема: История русского литературного языка в изображении академика А. А. Шахматова

План

1. Роль Шахматова в развитии отечественной филологии.
2. Недостатки Шахматова в трудах по истории русского литературного языка.
3. Идеи, концепции, исторические открытия в трудах Шахматова.

1. Роль Шахматова в развитии отечественной филологии.

А.А.Шахматов принадлежал к числу тех русских ученых энциклопедического типа, которые сыграли выдающуюся роль в развитии нашей отечественной науки вообще и филологии в частности. Славянские языки в их взаимоотношениях и в их взаимодействиях с иными языками, древнеславянские литературы, социально- политическая и культурная история славянства, особенно в донациональный период развития славянских народов, источниковедение, текстология, палеография, фольклор, и притом не только славянский, но и финский (мордовский),

этнология и историческая география Восточной Европы имели в нем своего блестящего, самобытного исследователя. С юных лет Шахматова увлекала морально- общественная идея самопознания, которая в его представлении тесно связывалась с судьбами родного народа, его ролью в мировой истории и должна была опираться на глубокое изучение русского исторического процесса, истории русской жизни, русской культуры, истории русского языка и русской литературы.

Шахматову чужд принцип функциональной изменчивости или разнозначности одних и тех же явлений в разных системах языка. Само понятие системной связанности языковых явлений у Шахматова выступает лишь по отношению к воспроизведению морфологической структуры языка. Но и здесь, он полагает, без исторической перспективы всякое описание будет односторонним и случайным. Поэтому шахматовское описание строя современного русского литературного языка- это собственно история его фонетических явлений и морфологических категорий, расположенная на плоскости.

В лингвистической концепции Шахматова совершенно особое место занимает теория и история литературного языка. Именно в этом кругу явлений Шахматов ушел дальше всего вперед от основной массы младограмматиков.

Границы науки о истории русского литературного языка в понимании Шахматова необыкновенно расширяются. С одной стороны, история русского литературного языка у него тесно связывается с историей всех других славянских литературных языков и, таким образом, органически входит в общую сравнительную историю славянских языков. С другой стороны, в системе самого русского языкознания история русского литературного языка образует внутреннее ядро, центральную часть общей полной истории русского языка, притягивая к себе или втягивая в себя историю народного языка, языка народной словесности, народного поэтического творчества и историческую

диалектологию. В концепции Шахматова преодолен и устранен характерный для древней традиции разрыв между историей русского литературного языка и историей русских наречий и народных говоров.

Шахматов стремился раскрыть во всей полноте и многообразии связи и взаимодействия между литературным языком и народной речью в ее разных областных вариациях, между языком старинных памятников, современных писателей и живыми народными говорами. Но в исторической концепции Шахматова проблема связей и взаимодействий литературного языка и народных диалектов получила новый смысл и новое разрешение.

У Шахматова история русского литературного языка тесно сливалась не только с историей русского народа, но и с историей русского государства, с историей восточнославянских народностей, а затем- русской нации. По мнению Шахматова, история русского литературного языка тесно связана с историей языка русской народной словесности. Ведь древнерусский письменный язык не мог не опираться, по крайней мере в отдельных своих жанрах, на уже установившуюся дописьменную традицию общего государственного и устно-поэтического языка. Так, в «Русской правде», по словам Шахматова, «письменная передача закрепила готовый, обработанный устный текст». Язык былин, исторических песен, вообще народного эпоса развивается в той же социальной среде, которая затем культивирует письменную речь.

С историей литературного языка Шахматова впервые на русской почве сочетал задачу историко-лингвистического изучения города. По учению Шахматова, построение истории русского литературного языка невозможно вне связи с историей областных разноречий и с историей полудиалектов и общих языков, складывающихся в культурно-политических и социально-экономических центрах, в городах. Шахматовым выдвигается историческая задача изучения влияния языка города на сельские диалекты.

Шахматовым же впервые выдвигается и исследуется вопрос об объединяющем и нормализующем влиянии русского литературного языка на городские мещанские говоры и на говоры селений и деревень разного времени и разного типа (барских, монастырских, однодворческих и т. п.).

Шахматов доказывает, что подлинный историк русского языка должен быть «хорошо знаком со всей вообще Россией», с умственным и нравственным состоянием русского народа в его прошлом и настоящем, должен быть внимательным «к малейшим извилинам бытовой жизни русского народа».

2. Недостатки Шахматова в трудах по истории русского литературного языка.

При гениальной новизне и необыкновенной широте тех задач, которые выдвигались Шахматовым перед историей русского литературного языка и последовательно осуществлялись в его собственных исторических трудах и теоретических построениях, в концепции Шахматова были и слабые, уязвимые места и большие недостатки.

Сюда прежде всего следует отнести равнодушие Шахматова к стилистическому многообразию литературной речи, к литературно-словесному искусству, к речевой структуре и стилистике художественной литературы.

Важнейшая проблема литературно-языкового развития- проблема исторического соотношения и взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы- не привлекла внимания Шахматова.

Другой большой недостаток шахматовской теории развития литературного языка- это недооценка процессов нормализации языка, возможного общественного активного вмешательства в его историческое движение.

Согласно пониманию Шахматова, «живой великорусский язык- это и наш письменный язык, так как он весьма незначительно уклонился от языка разговорного, и повседневный, обиходный язык образованных классов общества, и язык народа, от которого все еще продолжает получать обновление и живительные соки язык литературный». Таким образом, никакой стилистической дифференциации литературно- языковых явлений нет. Во всяком случае, эта дифференциация Шахматова не интересует. Отрицается и система литературных норм. Все это ведет к антиисторическим представлениям о взаимодействии книжной и народно- разговорной стихий в составе литературного языка разных эпох. А также к отрицанию внутренних законов исторических изменений и взаимодействий литературного языка и народных диалектов в разные периоды литературного развития.

Со всеми этими соображениями были связаны те односторонние принципы в понимании состояния и развития литературного языка, которые сложились у Шахматова под влиянием теорий младограмматиков. Шахматов, как и многие неограмматики, склонен был отрицать органичность и сложное внутреннее единство системы литературного языка в его общественно обусловленном развитии.

Принадлежащие Шахматову «Очерк современного русского литературного языка» и «Синтаксис русского языка» так и остались незавершенными и не во всем отвечали их первоначальному замыслу. Это лишь систематизированные материалы для построения некоторых разделов русской грамматики с историческими комментариями. Шахматовский анализ звукового состава русского литературного языка похож на краткий очерк его исторической фонетики с охватом старого московского произношения его времени, т. е. начала XX в., и обнаруживающихся в нем вариантов. Такой же историко- генетический характер носит и описание морфологической системы русского литературного языка, главным образом системы его именного и

глагольного словоизменения с относящимися к ней грамматическими категориями. Легко заметить, как в Синтаксисе намеченное в Очерке учение о частях речи развертывается и углубляется, главным образом на основе нового материала, излеченного из языка русских классиков XIX в. и начала XX в. Но учение о предложении и его типах увлекло Шахматова за пределы его историко-генетической концепции. В отработанных частях Синтаксиса дана стройная, сложная и дробная, хотя и очень искусственная, классификация двусоставных и односоставных простых предложений русского языка с характеристикой разной степени их распространенности.

Грандиозный замысел построения русского синтаксиса, в структуру которого должны были войти еще оставшиеся лишь в проекте четыре новых раздела- учение о сочетании предложений, учение об интонации и перечень синтаксических категорий,- не был осуществлен. Тем не менее значение работ Шахматова по грамматике современного русского литературного языка было и во многом остается до сих пор определяющим.

3. Идеи, концепции, исторические открытия в трудах Шахматова.

Конденсация новых идей, концепций, обобщений, исторических открытий, относящихся к истории русского литературного языка, содержится в замечательных трудах Шахматова по изображению общего процесса развития русского литературного языка. Здесь точки зрения Шахматова изменялись, углублялись, но основная задача сводилась к изучению соотношения, взаимодействия и борьбы книжного, культурного, старославянского и этнографического, народного начал в структуре русского литературного языка разных эпох.

В истории русского литературного языка, согласно общей шахматовской несколько прямолинейной схеме его развития, наиболее глубоко и разносторонне выступали две основные жизненные силы:

болгарская книжная основа и ее прогрессивно развивающая и преобразующая могучая русская народно-речевая стихия.

Изучая процесс насыщения русского литературного языка народно-диалектными элементами, Шахматов выдвинул проблему связи литературного языка с языком городских центров, особенно с языком государственных столиц.

Признав язык Киева по своей основе южнорусским, Шахматов приписывает ему огромное влияние на общую городскую речь Древней Руси XI-XIII вв. Киевское произношение церковнославянского языка определило в некоторых отношениях и своеобразие произносительной системы московской литературно-книжной речи. Язык Киева и киевская литературная культура воздействовала на ход литературно-языкового развития Северо-Восточной Руси-Владимира, Ростова, Суздаля, Переяславля и других выросших здесь старших городов.

Но Шахматов особенное значение придавал исследованию вопроса о формировании языка города Москвы, связывая его с более широкой и общей проблемой образования средневеликорусских говоров и возникновения сплоченного этнографического ядра великорусской народности.

Шахматову не удалось построить полной истории русского литературного языка и преодолеть все противоречия в основной части своей историко-лингвистической концепции. Так, самый процесс исторического взаимодействия, борьбы, объединения и слияния старославянского, государственно-делового языков изображается Шахматовым недифференцированно, недостаточно глубоко и точно, а иногда даже противоречиво.

Шахматов не воспроизвел во всем многообразии и во всей широте и полноте процессов взаимодействия и скрещения церковно-книжного и народно-литературного языков в сфере государственно-деловой, публицистической и литературно-художественной по отношению к

структуре литературной речи Московского государства XV-XVII вв. Шахматов отмечает лишь все растущее сближение славяно- книжного и народно- разговорного языков. Окончательное торжество идеи о слиянии книжного языка с народным «увидел только XVIII век», «во второй половине XVIII в. русский литературный язык получает тот вид, который он сохраняет до сих пор». Процесс образования литературного русского языка Шахматов вмещает в границы XVII-XVIII вв. Еще в статье «Русский язык» он писал: «Объединение русской земли в XVII и XVIII столетиях под одной общей государственной властью указало языку великорусскому новые задачи: он должен был стать языком общим для всей России, органом литературы и государственной жизни». Эволюцией русского литературного языка в XIX и XX вв. Шахматов почти вовсе не занимался, если оставить в стороне его лексикографические работы в связи с академическим «Словарем русского языка».

Итак, стремясь охватить и по- новому осветить главные этапы истории русского языка, Шахматов предложил новое понимание основных процессов развития русского литературного языка. Он не чуждался ни смелых гипотез, ни широких обобщений в этой области. Создаваемую им новую концепцию русского литературно- языкового процесса подкрепляли и культурно- исторические разыскания и соображения, и историко- литературные исследования, и сравнительно- исторические сопоставления славистического характера, и этнографические, а также этнологические выводы, и богатые материалы языка письменных источников, и историко- диалектологические факты и обобщения. Тем не менее Шахматов все яснее видел слабые стороны своих величественных построений, непрочность, недостаточность и бедность научного лингвистического материала, который был положен им в основу этих грандиозных сооружений.

История русского языка в ее современном состоянии носит на себе неизгладимую печать шахматовского влияния. Даже борьба с

теориями Шахматова чаще всего ведется при помощи того оружия, а иногда и тех средств, которые извлекаются из научных арсеналов самого же Шахматова. Исторические задачи, не решенные Шахматовым, стоят и перед нами; рядом с ними рождаются новые, вызываемые к жизни новым, вновь открываемым материалом, новыми методами и принципами исследования.

Основная литература:

1. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М.: Логос, 2003.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2000.
3. Валгина Н.С. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 2003.
4. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
5. Городилова Г.Г., Ецкова Э.М., Литвинова Н.Д. Русский язык. Л., 1991.
6. Гречко В.А. Теория языкознания: В 2 ч. Н. Новгород, 1998.
7. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

Дополнительная литература:

1. Четыре речи о Ф. И. Буслаеве. Спб., 1898.
2. Шахматов А.А. Краткий очерк истории малорусского языка. Пг., 1916.
3. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
4. Языкознание. Большой Энциклопедический Словарь.// гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Большая Советская Энциклопедия, 2000.

Лекция №8

Тема: Русская наука о русском литературном языке.

План.

1. История русского литературного языка в X-XVII вв.
2. Развитие русского литературного языка в XVIII веке.
3. Проблемы истории русского литературного языка в XIX веке.

4. Формирование и рост национального русского литературного языка в начале XX века.

1. История русского литературного языка в X- XVII вв.

История русского литературного языка как научная дисциплина вырастает из живого опыта культурного развития русского общества. Вначале это свод наблюдений над меняющимися нормами литературного правописания, литературного словосочетания и словоупотребления. Практическое овладение письменным языком как при зарождении древнерусской письменности в X-XI вв., так и позднее опиралось на комплекс идущих из других славянских стран и из Византии исторических сведений о славянской азбуке, о правилах графики и об изменяющихся принципах орфографии, на оценку старой народной языковой традиции устного творчества и государственно- делового общения, на сознательное отношение к вновь усваиваемым и вновь творимым формам русского литературного языка в его разных стилях.

В конце XIV в. начале XV в. - в период «второго южнославянского влияния» и в конце XVII в., когда происходили сильные сдвиги в нормах русской литературно- языковой системы, обострились попытки исторического осмысления основных конструктивных элементов русского письменного языка и тенденций его развития. Именно в XVI-XVII вв. укореняется учение о трех стилях литературного языка, сыгравшее огромную роль в процессе подготовки и формировании русского национального языка.

Даже в древний период- до XVII в.- развитие русского литературного языка было неразрывно связано с распространением наукообразных теорий, посвященных вопросу о закономерностях, целесообразных тенденциях и направлении движения стилей литературной речи. Этому практическому историзму в осмыслении литературно- языкового процесса содействовало и то обстоятельство, что в древнерусской письменности сосуществовали разнообразные типы и стили литературного выражения.

Самое главное направление исторических разысканий в области русского литературного языка до XVIII в. было связано с южнославянской грамматической традицией, опиравшейся, в свою очередь, на греко-византийскую, а также на западноевропейскую латинскую грамматическую науку. Изучение литературного языка невозможно без исследования и определения общеязыковых элементов, без понимания общих грамматических и лексико-семантических категорий языковой системы. Понятно, что книжный славянский язык является сначала основным и едва ли не единственным объектом приложения тех грамматических категорий и тех грамматических терминов, которые воспринимаются Русью из мировой лингвистической науки. Усвоение основных положений общего языкознания производилось с помощью иллюстративного материала книжно-славянского языка. Вместе с тем выработка и национализация славянской грамматической терминологии, применение принципов античной грамматики к структуре церковнославянского языка с XV в. расширяли знакомство с формами русского книжно-литературного языка и их историей. Естественно, что в русском языкознании древнейшего периода, до XVI-XVII вв., историко-лингвистические наблюдения и изучения были всецело сосредоточены на орфографии, орфоэпии и грамматике книжно-славянского языка, т. е. в сущности, высокого, «красного» слога древнерусской письменности.

С XVI-XVII вв. круг лингвистических наблюдений над русским литературным языком значительно расширяется в сторону живой русской народной речи. Правда, и в это время по-прежнему в центре научно-общественных интересов-структура славянизированной речи в тех ее пластах, которые были обособлены от обиходного языка. В этих работах ясно обнаруживается сложность лексического состава русского церковно-книжного языка, наличие в нем разноязычных словарных элементов. В русских азбуковниках, число списков которых в XVII в.

сильно возрастает, отмечаются, в соответствии с уровнем тогдашних лингвистических знаний, этимология и генезис разных лексических пластов русского литературного языка и дается истолкование наиболее затруднительных выражений.

Азбуковник представлял собой смесь словаря иностранных и непонятных слов со своего рода реальной энциклопедией, куда вносились, обычно в азбучном порядке, разные любопытные сведения.

С XVI же века углубляется изучение семантических отношений русского языка к другим европейским языкам; смысловая система русского литературного языка, его лексика сопоставляется с системами других языков, прежде всего греческого, латинского, а затем языков западно- и южнославянских. А в связи с этими вопросами находится и исследование отдельных, частных явлений общего русского письменного языка и стилей художественной речи.

К XVII в. относится ряд славяно- латинских, греко- славяно-латинских и славяно- латино- польских словарей, в которых устанавливаются семантические соответствия между русскими литературными и латинскими, греческими и польскими словами. В XVII в., когда оживляются связи русского языка с языками западноевропейскими, когда приобретает особенную остроту вопрос о взаимодействии церковнославянской и народной русской речевой стихий, состав словарей и их задачи резко меняются.

Новые принципы и приемы составления словарей идут к нам из так называемой Юго- Западной Руси, которая в то время оказывала большое культурное влияние на Московское государство. Там появился первый печатный словарь «Лексис, сиречь речений вкратце собраны и из славенского языка на просты русский диялект истолкованы», приложенный к славянской грамматике Лаврентия Зизания. Уже в самом заглавии словаря раскрывается основная его цель. Лексика старого книжного языка, в основной своей массе церковнославянская, нуждалась

в переводе ее на «простой русский диалект», в пояснении ее русскими (для украинцев- украинскими, для белорусов- белорусскими) словами. В этом словаре объяснено 1061 слово.

2. Развитие русского литературного языка в XVIII веке.

С начала XVIII в., когда процесс европеизации и национальной демократизации русского литературного языка протекает особенно напряженно, центр лингвистических интересов в области русского языкознания переносится с церковно- книжного языка на устную, разговорную речь, на простое и посредственное «наречия» литературного языка и на иностранные заимствования. Интерес к народной стихии поддерживался интенсивной переводческой работой в области естественных и технических наук. Показательны в этом направлении примечания А. Д. Кантемира к его переводу знаменитого сочинения Б.Фонтенеля «Разговоры о множестве миров».

Оживившийся интерес к исследованию природного русского языка требовал создания русской живой речи, а не структуру устарелых славяно-российских стилей. В XVI-XVII вв. попытки элементарного изложения грамматического строя устной народной речи принадлежали иностранцам. Необходимость в такой русской грамматике ощущалась еще в XVII в. В предшествующей традиции проблема дифференциации стиха и прозы нигде не привлекла такого внимания и никогда еще не ставилась с такой принципиальной остротой и теоретической глубиной. Наметившаяся в эту эпоху система «пиитических вольностей» во многом определила эволюцию стихотворного языка до самого начала XIX в., а отчасти даже и в более позднее время.

Параллельно с разработкой орфографических, грамматических и стилистических вопросов и в живом взаимодействии с ними в первой половине XVIII в. идет развитие лексикологических исследований. В этой области необходимо различать две проблемы, выдвинутые Петровской эпохой: проблему терминологическую и проблему лексического различия

основных стилей литературного языка. Первая проблема выходит далеко за пределы чисто лингвистических изучений. Она отражает рост русской науки и техники, реконструкцию государственного механизма и управления. Почти каждый переводчик является в известной мере лексикологом, так как ему поневоле приходится участвовать в создании и нормализации научной или технической терминологии. В переводных сочинениях обычны пояснения заимствуемых западноевропейских слов и нередки приложения в виде словариков истолковывающих значения вновь вводимой национальной или осваиваемой интернациональной терминологии.

Но наряду с такими частными коллекциями научных, технических, профессиональных и общественно-политических терминов в это время возникает особый жанр словарей иностранных слов.

Новый период в истории разработки русского литературного языка открывается лингвистическими и филологическими трудами М.В.Ломоносова (1711-1765), которого А.С.Пушкин называл «первым русским университетом». Перенеся методы наблюдения и эксперимента в область русского языкознания, с тактом и вкусом гениального ученого выделяя факты «рассудительного употребления», Ломоносов создает «российскую грамматику» и Риторику т. е. теорию высокого, украшенного слога. В основу «Российской грамматики» был положен значительный литературно-языковой и устно-речевой материал, подвергшийся оригинальной, строгой группировке и, нередко, новому самостоятельному освещению.

Грамматика Ломоносова-грамматика нормативно-стилистическая. Она связывает употребление разных грамматических форм или разных вариантов формы с разными стилями литературного языка.

Идеологическая борьба вокруг вопроса о старом и новом слоге русского языка, завязавшаяся в конце XVIII в. и вызванная всем ходом русского литературно-языкового развития второй половины XVIII

в., представляет собой не только своеобразный факт истории русской литературы и русского литературного языка XIX в., но знаменует новый этап в разработке русского литературного языка и в построении его научной истории.

В оживленной полемике начала XIX в., не раз менявшей свой характер и направление и привлекая к себе почти все русские литературные и филологические силы, был выдвинут и отчасти обсужден целый ряд новых, и притом центральных, проблем истории русского литературного языка:

1. На первом месте стоял вопрос о меняющемся взаимодействии и соотношении русской и церковнославянской стихий в истории русского литературного языка.

2. С неменьшей остротой дебатировался вопрос о заимствовании чужих слов, о роли европеизмов в истории русского языка и об усиливающемся сближении семантической системы русского литературного языка со смысловыми системами западноевропейских языков, в особенности языка французского, и шире- вопрос о соотношении национального и интернационального фонда в структуре русского литературного языка.

3. На фоне тех же идеологических споров и противоречий выплывал вопрос о народных основах русского литературного языка, о «просторечии» и его социальной и диалектной базе, об исторической связи литературного языка со стилями народной словесности, о конструктивных особенностях народнопоэтического языка.

4. Атмосферой напряженной борьбы и принципиальных разногласий был окружен вопрос о стилистических особенностях разных жанров и типов литературной речи. Ломоносовская теория трех стилей уже не соответствовала новым тенденциям литературного развития. Принцип единства семантической системы национального русского языка побуждал к исследованию границ, объема и состава литературной

лексики, к отграничению литературного языка от форм устного просторечия, от диалектизмов и профессионализмов.

Многообразие стилевых форм, возникшее в результате пушкинской языковой реформы, оживило интерес к экспрессивной окраске и стилистическим нюансам слова. В журнально-газетной литературе до 40-х годов проблемам практической стилистики русского литературного языка того времени придавалось особо важное значение.

Начатая еще в XVIII в. разработка литературной синонимии в первой трети XIX в. приобретает необыкновенно широкий размах

5. В ту же эпоху возникает вопрос о методах изучения и способах описания отдельных грамматических явлений русского литературного языка, о необходимости составления новой «систематической основательной», полной русской грамматики вместо устарелой «Российской грамматики» Ломоносова и построенной на ее основе академической «Российской грамматики». Все острее ощущается необходимость «составить русскую грамматику, на собственных нашего языка, а не какого-либо чужеземного правилах основанную».

6. Неудовлетворенность общества переработкой «Словаря Академии Российской» обязывала к составлению академического толкового словаря нового типа. Зарождается и зреет идея исторического словаря русского литературного языка.

7. Первая треть XIX в. в истории русского просвещения иногда определяется как период романтико-исторический. Тяга к национальному прошлому, к устной народной поэзии, рост исторического жизнепонимания, развитие исторических знаний- все это не могло не отразиться и на эволюции науки о русском литературном языке.

3. Проблемы истории русского литературного языка в XIX веке.

Первые десятилетия XIX в.- это период не только постановки многочисленных разнообразных и сложных проблем изучения и построения русского литературного языка, но и период крупных

достижений русской филологии в области познания национального русского языка и его истории. Плоды работ этого периода захватывают частично и 40-50-е годы и не сливаются там с новыми течениями русской лингвистики.

К 20-30-м годам XIX в. относятся две систематические грамматики русского языка, оказавшие громадное влияние на всю школьную учебную, а отчасти и научную литературу по русскому языку в течение всего XIX в. Это русские грамматики Н. И. Греча (1784-1867) «Практическая русская грамматика», (1827; изд. 2-е, испр., 1834) и Востокова («Русская грамматика А. Х. Востокова, по начертанию его же сокращенной полнее изложенная», 1831).

С 40-х годов XIX в. начинается новый период в истории разработки русского литературного языка. Это период национально- исторических и философских исканий. Можно отметить пять основных тенденций в области изучения русского литературного языка в этом периоде- до 60-70-х годов XIX в.:

1) стремление определить и философски осмыслить национальное своеобразие русской грамматической системы;

2) поиск общих исторических закономерностей русского литературно- языкового процесса;

3) выдвижение проблемы личности, проблемы индивидуального творчества и его значения в истории литературного языка, проблемы «языка писателя» (особенно по отношению к реформаторам языка);

4) перенесение центра тяжести с вопросов стилистики на проблемы исторической грамматики и исторической лексикологии;

5) более широкое применение сравнительно- исторического метода к разрешению вопросов исторической грамматики и исторической семантики русского литературного языка.

В 40-50-х годах русское языкознание выдвигает новую задачу: необходимо построить оригинальную, свободную от подражательности

западноевропейским образцам грамматику русского литературного языка, в которой национальные своеобразия русского грамматического строя были бы описаны и осмыслены самостоятельно и полно. Г. П. Павский, М. Н. Катков, К. С. Аксаков, В.А. Васильев и другие филологи того времени, особенно из среды славянофилов по убеждениям, берут на себя разрешение общих и частных языковедческих вопросов, связанных с осуществлением этой задачи.

Это новое направление в грамматической разработке русского литературного языка открывается «Филологическими наблюдениями над составом русского языка» (т. 1-3, 1841-1842) Г. П. Павского (1787-1863).

Своеобразное положение в кругу противоречивых и идеологически разнородных работ по истории русского литературного языка в 40-60-е годы занимают филологические труды Ф. И. Буслаева.

Почти одновременно с Буслаевым и даже несколько раньше него выступил на научно-лингвистическом поприще И. И. Срезневский (1812-1880). В то время как все филологические работы Буслаева характеризуются устойчивой цельностью мировоззрения, внутренним единством направления и высоким художественным изяществом отделки, в трудах Срезневского есть неровности и срывы, их методологическая направленность неоднородна. Филологическая деятельность Срезневского распадается на несколько периодов с разным кругом интересов и даже с разным идейным содержанием.

Важнейшим трудом Срезневского по истории русского языка в раннюю, петербургскую, пору его лингвистической деятельности являются «Мысли об истории русского языка».

Совершенно новые вопросы и новые задачи перед историей русского литературного языка поставил великий лингвист второй половины XIX в. А. А. Потебня (1835-1891). «Языковед-мыслитель», по выражению Д. Н. Овсяннико-Куликовского, он стремился изучать русский язык в свете общей эволюции человеческого языка и мышления. В

концепции Потебни понятие русского литературного языка охватывало не только область общенациональной русской письменно- книжной и устно- бытовой речи с их диалектами и стилями, но и целиком сферы русской народной поэзии и русской национальной науки.

С 70-80-х годов XIX столетия начинается новый период в истории разработки русского языка. Это период по преобладающему характеру лингвистических и сравнительно- грамматических изучений.

В 1881 г. появляется магистерская диссертация А. И. Соболевского (1856-1929) «Исследования в области русской грамматики», в 1884 г.- докторская его диссертация «Очерки из истории русского языка». В этих двух работах нашли яркое выражение и сравнительно- грамматические, и историко- диалектологические интересы нового лингвистического направления. За работами Соболевского последовал ряд еще более тонких и глубоких исследований А. А. Шахматова по исторической фонетике и исторической грамматике русского языка, опиравшихся на новые наблюдения в области современной народной диалектологии и на громадный фактический материал древности, добываемый путем тщательного, детального, статистического исследования языка старинных русских памятников. Этими работами закладывался прочный и широкий фундамент общей и полной истории русского языка древнего периода (до XV-XVI вв.), преимущественно в разделах исторической фонетики и морфологии.

Многочисленны работы по фонетике и морфологии современного русского языка принадлежащие И. А. Бодуэну де Куртенэ (1845-1929) и его ученикам и опирающиеся на иную лингвистическую теорию и методологию.

Из учеников Бодуэна де Куртенэ больше всего занимались исследованием русского литературного языка В. А. Богородицкий (1857-1941), Л. В. Щерба (1880-1944).

Научные интересы Богородицкого в области русского языка были сосредоточены на вопросах фонетики и морфологии современного русского литературного языка.

Если собрать все грамматические труды этого периода, то легко заметить, что они или касаются истории фонетических явлений и грамматических процессов в русском языке до XVI в., или же представляют описания грамматической системы современного русского литературного языка. История русского литературного языка XVII-XIX вв. в это время почти не привлекает внимания лингвистов, за единичными исключениями, которые вовсе не нарушают правила.

4. Формирование и рост национального русского литературного языка в начале XX века.

Из других элементов русской литературно-языковой системы в последней трети XIX и в первом пятнадцатилетии XX в. заметно подвинулось вперед изучение литературного словаря в его истории. Развитию лексикологических интересов значительно содействовал выход в свет «Материалов словаря древнерусского языка» А. Л. Дювернуа и особенно «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» Срезневского. Кроме того, к тщательному исследованию старославянского словарного фонда в составе древнерусского книжного языка, открывшие в ней несколько пластов, - И.В.Ягича, В. Вондрака, В.Воскресенского, С. М. Кульбакина и др.

После Октябрьской революции 1917г. в русистике происходит резкое перераспределение лингвистических интересов. История русского литературного языка и современный русский язык становятся предметом особенного внимания и научного усердия русских лингвистов. Вырисовываются новые задачи, новые темы и методы исследования литературного языка. Становление нового осуществляется на фоне критической оценки, а иногда отрицания старых точек зрения, прежних лингвистических методов и достижений.

В революционную эпоху необыкновенно возрос интерес к изучению истории русского литературного языка XVIII-XX вв. Здесь все частные вопросы группируются вокруг основной проблемы формирования и развития национального общерусского языка.

Вопрос о формировании и росте национального русского языка в связи с быстрым и мощным расцветом новой русской литературы в XVIII-XIX вв. стал центральной темой историко-лингвистических исследований последнего времени. Увлекали и видимая доступность материала, и необозримая широта и неисследованность его, и заманчивость культурно-исторической задачи, и тесная связь языковых проблем с литературными и искусствоведческими, и актуальность вопроса об образовании национального русского языка для общего широкого понимания развития национальной русской культуры, в частности русской литературы. Изучению развития русского литературного языка в XVIII и XIX вв. посвящено больше всего крупных монографических исследований и мелких статей.

Первой попыткой уложить в систему сложный и разнообразный языковой материал, относящийся к истории русского литературного языка XVIII и XIX вв., явились «Очерки по истории русского литературного языка» В. В. Виноградова.

Особенно важен по объему исследованного материала и по положенному в основу исследования принципу дифференциации языка и стиля отдельных жанров двухтомный труд Л. А. Булаховского «Русский литературный язык первой половины XIX в.»

Кроме грамматики, оживилось исследование и современного литературного словаря. Бурное словотворчество революционной эпохи, резкие изменения в лексической системе современного русского языка, новые формы словесных образований, перегруппировок лексических пластов, сдвиги значений, новые заимствования из других языков, усиление воздействия языка науки и техники на общелитературную

речь, распространение профессионализмов, формирование новой семантической системы- все эти большие темы вызвали много частных исследований (А. М. Селищева, А. П. Баранникова, Г.О. Винокура, С. О. Карцевского, Р.О. Якобсона, П. Я. Черных, Л. В.Успенского, Л. А. Булаховского и др.), но еще не подверглись исчерпывающим монографическим изучением. Полнее всего лексические изменения современного русского языка отражены в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

Основная литература:

1. Белошাপкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1997.
2. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
3. Городилова Г.Г., Ецкова Э.М., Литвинова Н.Д. Русский язык. Л., 1991.
4. Гречко В.А. Теория языкознания: В 2 ч. Н. Новгород, 1998.
5. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Айрис Пресс, 2006.
6. Современный русский язык под. ред. Леканта П.А. М.: Дрофа, 2002.
7. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.

Дополнительная литература:

1. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
2. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. М., 1956.
- 3.Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М., 1938.
4. Смирнов Н.А. Западноевропейское влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Спб., 1910.

Темы для самостоятельного изучения

№	Темы самостоятельных работ	Кол-во часов	Литература с указанием страниц
1.	Синтаксическая система Ф.И.Буслаева.	2	1.В.В.Виноградов История русских лингвистических учений. М.,1978, с.69-90.

			2. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1987.
2.	Лингвистические взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ.	2	1.В.В.Виноградов История русских лингвистических учений. М.,1978, с.110-118. 2.Бодуэн де Куртенэ И.А. Труды по общему языкознанию, т.1. М., 1963.
3.	Учение академика А.А.Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке.	2	1.В.В.Виноградов История русских лингвистических учений. М.,1978, с.119-140. 2. Шахматов А. А. Заметки по истории звуков лужицких языков. М., 1968.
4.	Эволюция грамматических взглядов А.М.Пешковского.	2	1.В.В.Виноградов История русских лингвистических учений. М.,1978, с.140-154. 2. Языкознание. Большой Энциклопедический Словарь.// гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Большая Советская Энциклопедия, 2000.
5.	Проблемы стилистики русского языка в трудах М.В.Ломоносова.	2	1.В.В.Виноградов История русских лингвистических учений. М.,1978, с.207-222. 2.Ломоносов М.В. Полн. Собр. Соч. М. – Л., 1952.
6.	Изучение языка художественной литературы в советскую эпоху.	2	1.В.В.Виноградов История русских лингвистических учений. М.,1978, с.222-244. 2. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
7.	«Стилистика русского языка» А.И.Ефимова	2	1.В.В.Виноградов История русских лингвистических учений. М.,1978, с.248-252. 2. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. М., 1969. 3. Ефимов А.И. Об изучении языка художественных произведений. М., 1952.

Итого: 14 часов

Словарь терминов

Агглютинативные (агглютинирующие) языки. Языки, в которых формы слова образуются не путем изменения флексии (ср.флективные языки), а путем агглютинации. К агглютинативным языкам принадлежат языки тюркские, финно- угорские и некоторые другие.

Аналитические языки. Языки, в которых грамматические значения (отношения между словами в предложении) выражаются не формами самих

слов (ср.: синтетические языки), а служебными словами при знаменательных словах, порядком знаменательных слов, интонацией предложения. К аналитическим языкам относятся языки английский, французский, итальянский, испанский, болгарский, датский и др.

Арготизмы (франц. argotisme от argot – жаргон). Слова и обороты, входящие в состав какого – либо арготизма. Арготизмы могут быть использованы в литературном языке со стилистической целью.

Артикуляция (лат. articulatio от articulare – членораздельно выговаривать). Работа органов речи, направленная на производство звуков.

Ассимиляция (лат. assimilatio – уподобление). Уподобление одного звука другому в артикуляционном и акустическом отношениях. Ассимиляция возникает у гласных с гласными, у согласных с согласными.

Билингвизм (лат. Bi... из bis – дважды + lingua – язык). То же что двуязычие.

Валентность (лат. valentia – сила) слова. Способность слова вступать в словосочетания с другими словами.

Деривация (лат. derivatio – отведение, отвод). Образование новых слов при помощи аффиксов или безаффиксным способом.

Диакритический (греч. Diakritikos – различительный) знак. Значок при букве, указывающий на то, что ее нужно читать иначе, чем без него. Диакритическим знаком являются две точки над буквой е, указывающие на произношение ё.

Диахрония (от греч. Dia – через, сквозь + chronos – время, т.е. разновременность). Историческая последовательность развития отдельных языковых явлений и развитие системы языка в целом как предмет лингвистического изучения.

Диссимиляция (лат. Dissimilatio – расподобление). Замена одного из двух одинаковых или сходных звуков другим, менее сходным в отношении артикуляции с тем, который остался без изменения. Подобно ассимиляции,

диссимиляция может быть прогрессивной и регрессивной. Диссимиляция – явление редкое в литературном языке, встречается она обычно в речи ненормированной. Февраль (вместо февраль от лат. Februarius – в истории русского языка). Колидор (вместе коридор), трамвай (вместо –трамвай) – в просторечии. Как показывают примеры, имеется диссимиляция диахроническая и диссимиляция синхроническая.

Звательный падеж. Форма падежа, указывающая на лицо или предмет, к которому обращена речь. В современном русском языке звательный падеж совпал по форме с именительным, остатки его сохранились в виде архаических друже, старче, человеце и нек. др.

Зияние. Стечение гласных в составе слова (внутреннее зияние) или на стыке слов (внешнее зияние). Радиоузел; а у аэропорта; у отца. Внешнее зияние становится недостатком устной речи, если не используется со стилистическим заданием.

Императив (лат. modus imperativus – повелительное наклонение). То же, что повелительное наклонение.

Императивное (от лат. imperativus – повелительный) предложение. То же, что побудительное предложение.

Искусственные языки. Языки, создаваемые из элементов естественных языков и предлагаемые в качестве вспомогательного средства межнационального общения. См. воляпюк, идо, интерлингва, оксиденталь, эсперанто.

Каллиграфия (греч. kalligraphia – красивый почерк). Искусство писать четким и красивым почерком.

Компаратив. То же, что сравнительная степень.

Компаративистика (от лат. Comparativus – сравнительный). Раздел языкознания, занимающийся сравнительно – историческим изучением родственных языков.

Лабialisация (от лат. Labialis –губной) (огубление). Артикуляция звуков, при которой губы вытягиваются вперед и принимают форму круглого отверстия (колечка); при этом увеличивается передняя часть резонатора, что понижает резонаторный тон (лабиализованные гласные ниже нелабиализованных).

Лингвистика (франц. Linguistique от лат. Lingua –язык). Наука о языке. Лингвистика дескриптивная. Лингвистика математическая. Лингвистика описательная. Лингвистика прикладная. Лингвистика структурная, (а также паралингвистика, психолингвистика, социолингвистика).

Младограмматики (младограмматическая школа). Лингвистическое направление конца XIX –начала XX в., характерными чертами которого были: диахроническое изучение языковых явлений, невнимание к их современному состоянию; «атомизирование» языка, изучение разрозненных фактов, без исследования их взаимоотношений в языковой системе; признание непреложности фонетических законов, не допускающих исключений; психологическая и физиологическая интерпретация языковых изменений; отрицание переходных языковых состояний.

Моносемия (от греч. Monos –один + sema –знак). То же, что однозначность.

Оканье. Различение (о) – (а) в безударных слогах. Практически это означает произношение в безударном слоге на месте буквы о звука (о), свойственное севернорусским говорам (голова), (сторона).

Окказионализм. Слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста.

Оксюморон (греч. Охуμορον –остроумно- глупое). Стилистическая фигура, состоящая в соединении двух понятий, противоречащих друг другу, логически исключаящих одно другое. Горькая радость, звонкая тишина, красноречивое молчание, сладкая скорбь.

Полисемия (от греч. Poly –много + sema –знак). То же, что многозначность.

Происхождение языка. Происхождение языка неразрывно связано с происхождением человека.

Происхождение человека и одновременное зарождение языка связаны с возникновением и развитием труда. «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим». (Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с 489).

Проклитика (от греч. Proklino –наклоняю вперед). Безударное слово, стоящее перед словом, имеющим ударение, и примыкающее к этому слову в отношении ударения. На столе, подо мной, наш сын, три дня, ты бывал, но он (проклитики на, подо, наш, три, ты, но).

Синонимика. 1.Раздел лексикологии, изучающий синонимы. Теоретические основы синонимики.

2.Совокупность синонимов какого –либо языка. Богатая синонимика русского языка.

3.То же, что синонимия. Синонимика предлогов.

Сленг. Слова и выражения, употребляемые лицами определенных профессий или социальных прослоек. Сленг художников. Сленг моряков. Ср.: арго, жаргон.

Табу (полинезийское слово) словесное. Слово, употребление которого запрещено или ограничено под влиянием внелингвистических факторов (суеверия, предрассудков, стремления избежать грубых выражений и т. п.). Хозяин, мохнач, Потапыч (вместо медведь в языке промысловых охотников).

Эвфемизм (от греч. Euphemismos из eu –хорошо + phemi –говорю). Смягчающее обозначение какого –либо предмета или явления, более мягкое выражение вместо грубого. Она в интересном положении вместо она беременна. Не сочиняйте вместо не врите. Туалет вместо уборная.

Эвфония (греч.euphonia из eu –хорошо +phone –звук). Благозвучие речи, достигаемое применением разнообразных фонетических приемов (звуковые повторы, анафора, эпифора, ритмичность речи и т. д.).

Эквивалент. Единица речи, способная выполнять ту же функцию, что другая речевая единица.

Эквивалент слова. Словосочетание, совпадающее по функции со словом, выступающее в одинаковой синтаксической роли. Положа руку на сердце (откровенно, чистосердечно), спустя рукава (небрежно), из рук вон (плохо).

Эквивалент предложения. По мнению некоторых лингвистов, слова – предложения, вокативные предложения и т.п. являются не предложениями, а эквивалентами предложений.

Экстралингвистический (от лат. Extra –вне, сверх + франц. linguistique –языковой). Внеязыковой, относящийся к реальной действительности, в условиях которой развивается и функционирует язык. К экстралингвистическим условиям развития языка относятся в первую очередь общественно –политические факторы.

Язык. 1. Система фонетических, лексических и грамматических средств, являющаяся орудием выражения мыслей, чувств, волеизъявлений и служащая важнейшим средством общения людей. Будучи неразрывно связан в своем возникновении и развитии с данным человеческим коллективом, язык представляет собой явление социальное. Язык образует органическое единство с мышлением, так как одно без другого не существует.

2. Разновидность речи, характеризующаяся теми или иными стилистическими признаками. Книжный язык. Разговорный язык. Поэтический язык. Газетный язык. По вопросу о соотношении понятий

«язык» и «речь» выявились в современном языкознании разные точки зрения.

Впервые взаимосвязь и взаимодействие обоих явлений отметил швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр: «Без сомнения, оба эти предмета тесно между собою связаны и друг друга взаимно предполагают: язык необходим, чтобы речь была понята и производила свое действие; речь же в свою очередь необходима для того, чтобы установился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку».

Вслед за Фердинандом де Соссюром многие исследователи (В.Д. Аракин, В.А. Артемов, О.С. Ахманова, Л.Р. Зиндер, Т.П. Ломтев, А.И. Смирницкий и др.) разграничивают эти понятия, находя для этого достаточные общеметодологические и лингвистические основания. Язык и речь противопоставляются по разным основаниям: система средств общения –реализация этой системы (фактический процесс говорения), система лингвистических единиц – их последовательность в акте общения, статическое явление – динамическое явление, совокупность элементов в парадигматическом плане – их совокупность в синтагматическом плане, сущность –явление, общее – отдельное (частное), абстрактное – конкретное, существенное –несущественное, необходимое – случайное, системное – несистемное, устойчивое (инвариантное) - переменное (вариативное), узуальное – окказиональное, нормативное – ненормативное, социальное – индивидуальное, воспроизводимое – производимое в акте общения, код – обмен сообщениями, средство – цель и т.д. Отдельные лингвисты последовательно проводят это разграничение применительно к коррелятивным единицам разных уровней языка и речи: фонема – конкретный звук, морфема – слог, лексема –слово, словосочетание – синтагма, предложение – фраза, сложное синтаксическое целое – сверхфразовое единство. Другие ученые (В. М. Жирмунский, Г. В. Колшанский, А. Г. Спиркин, А.С. Чикобава) отрицают различие между языком и речью, отождествляя эти понятия. Третьи исследователи (Е. М.

Галкина – Федорук, В. Н. Ярцева), не противопоставляя и не отождествляя язык и речь, определяют их как две стороны одного явления, характеризующиеся свойствами, по своей природе взаимодополняющими и взаимосвязанными.

Рекомендуемая литература:

1. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1997.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т., М., 1955.
3. Богомазов Г.М. Современный русский язык. М.: Владос, 2001.
4. Бодуэн де Куртенэ И. А. Труды по общему языкознанию, т.1. М., 1963.
5. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М.: Логос, 2003.

6. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2000.
7. Вопросы культуры речи. М., 1963.
8. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
9. Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
10. Гречко В.А. Теория языкознания: В 2 ч. Н. Новгород, 1998.
11. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. М., 1969.
12. Ефимов А.И. Об изучении языка художественных произведений. М., 1952.
13. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М., 1961.
14. Золотова Г.Л., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
15. Ломоносов М.В. Полн. Собр. Соч. М. – Л., 1952.
16. Прияткина А.Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М., 1990.
17. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Айрис Пресс, 2006.
18. Современный русский язык под. ред. Леканта П.А. М.: Дрофа, 2002.
19. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
20. Тихонов С.Н. Современный русский язык. М.: Цитадель Трейд, 2002.
21. Шахматов А. А. Заметки по истории звуков лужицких языков. М., 1968.
22. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
23. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958. М.-Л., 1947.
24. Языкознание. Большой Энциклопедический Словарь.// гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Большая Советская Энциклопедия, 2000.

Дополнительная литература:

1. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004.
2. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1987.

3. Валгина Н.С. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 2003.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Изд. 2-е, М., 1972.
5. Городилова Г.Г., Ецкова Э.М., Литвинова Н.Д. Русский язык. Л., 1991.
6. Кузнецов П.С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.
7. Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе.- ВЯ, 1962.
8. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
9. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. М., 1956.

Содержание

Введение.....	3
Тематическое распределение курса истории лингвистических учений.....	4
Программа курса истории лингвистических учений.....	5
Лекция №1 Тема: Работы академика В.В.Виноградова по истории русского языкознания.....	8

Лекция №2 Тема: Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М.В.Ломоносова по грамматике и риторике.....	17
Лекция №3 Тема: Синтаксические воззрения и обобщения А.Х.Востокова, их значение в истории русского языкознания.....	25
Лекция №4 Тема: Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы.....	34
Лекция №5 Тема: Труды А. А. Потебни и В. И. Чернышева по лексикологии и семасиологии.....	45
Лекция №6 Тема: Проблемы русской речевой культуры в освещении Г.О.Винокура.....	53
Лекция №7 Тема: История русского литературного языка в изображении академика А. А. Шахматова.....	59
Лекция №8 Тема: Русская наука о русском литературном языке.....	67
Темы для самостоятельного изучения.....	81
Словарь терминов.....	83
Рекомендуемая литература.....	90
Дополнительная литература.....	91

Содержание

Введение.....	3
Тематическое распределение курса истории лингвистических учений.....	4
Программа курса истории лингвистических учений.....	5
Лекция №1 Тема: Работы академика В.В.Виноградова по истории русского языкознания.....	7

Лекция №2 Тема: Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М.В.Ломоносова по грамматике и риторике.....	14
Лекция №3 Тема: Синтаксические воззрения и обобщения А.Х.Востокова, их значение в истории русского языкознания.....	21
Лекция №4 Тема: Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы.....	28
Лекция №5 Тема: Труды А. А. Потебни и В. И. Чернышева по лексикологии и семасиологии.....	37
Лекция №6 Тема: Проблемы русской речевой культуры в освещении Г.О.Винокура.....	44
Лекция №7 Тема: История русского литературного языка в изображении академика А. А. Шахматова.....	49
Лекция №8 Тема: Русская наука о русском литературном языке.....	55
Темы для самостоятельного изучения.....	67
Словарь терминов.....	69
Рекомендуемая литература.....	74
Дополнительная литература.....	75